

журнал
московского общества
санкт-петербурга

Палантир

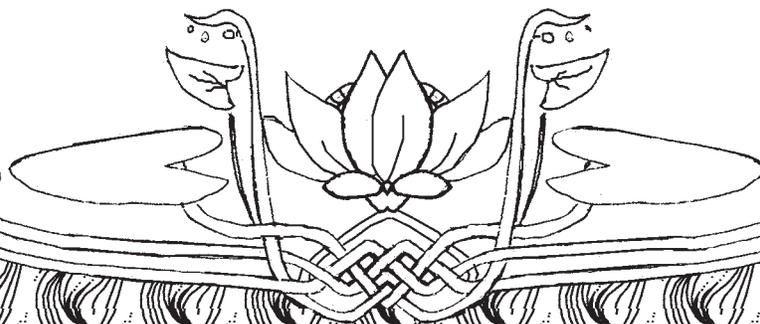
№ 33

2002 г.

сентябрь

: i рѣтѣрѣ :

: i рѣтѣ рѣтѣрѣ лѣрѣтѣ лѣрѣрѣ :

Мария Камекович, Валерий Каррик. Переводя Толкина 3
Т. Шиппи. Дорога в Средьземелье. (Перевод Марии Каменкович) 10
Хельги Февскангер. Кхуздул - тайный язык Гномов. (Перевод Драугера). 33

На последней странице - рисунок Моргул “Клятва Эорла”

ПАЛАНТИР
№ 33 2002
 журнал
 ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
 САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

PALANTIR®

*Этот номер для вас сделали:
 Аратанве Эондил, Золтан Бардинг, Моргул, Флорин Эйкинсьялди*

Наш адрес: 191186 Миллионная 15-13
 E-mail: zoltan@tolkien.ru eondil@mail.ru 2:5030/1171.35@FidoNet

Наш сайт: <http://tolkien.by.ru>

Copyright ©2002, Толкиновское Общество СПб
 Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами.
 Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

**Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов
 Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита.**

Мария Катенкович,
Валерий Каррик
ПЕРЕВОДА ТОЛКИНА

(отрывок из книги)

*...Целых десять переводов!
Лучше спи, царица Спарт.
Медлят ангелы народов.
Бесы взяли низкий старт.*

«Переводя Толкина» – так мы хотели сначала назвать нашу книгу. Но такое название, полагаю, оскорбило бы всех, кто когда-либо брался переводить Толкина (тем более тех, кто свои переводы опубликовал), и кто, возможно, с нами ни в чем не согласен. К тому же, такое название навевало бы мысли о технической стороне дела, о том, почему и как переведены те или иные имена, например. Об этом уже говорено-переговорено. Как-нибудь в другой раз! Интереснее было бы поразмышлять над самим процессом перевода вообще и Толкина – в частности. Что такое перевод? Кроме всего прочего, для самого переводчика – это разновидность медленного и тщательного прочтения оригинала. Читатель может на время идентифицироваться с героями, но в любом случае его время будет иным, нежели время персонажей и время автора, писавшего роман (будем говорить именно о переводах „romances“ – романов с четко просмагивающейся фабулой, насыщенных событиями). На отрезок времени, где разворачивается действие романа, – будь то один день (как в «Улиссе» Джойса) или тысячелетие – читатель смотрит с птичьего полета (думаю, ничего страшного, что эта метафора времени – пространственная). Переводя же текст, прочитываешь его иначе. Время переводчика течет медленнее, чем время, в котором живут и действуют герои... Реальность, в которой живет переводчик, вступает в причудливые взаимоотношения с внутренней реальностью переводимого текста. Физика этих взаимоотношений, – или химия? – особая. Художественно организованный текст – среда безусловно «химически активная», вступающая в неисследованные отношения с внешним миром. А если время контакта двух миров еще и растянуть? Иной раз целый день буксуешь на одном абзаце... Это создает особые условия для внедрения текста в жизнь, для перемешивания двух реальностей... При этом происходят порой самые странные и загадочные вещи... Об этом, впрочем, сейчас речи не пойдет. Достаточно только еще раз подчеркнуть: процесс перевода – особый экзистенциальный опыт. Текст конденсирует в себе языковую и мыслительную «энергии» (употребляю это слово за неимением лучшего), особым образом структурированные... (в то время как в реальной жизни эти «энергии» существуют в размытом, размазанном состоянии, диффузны, образуют, как правило, лишь недолговечные соединения (опять метафора из области химии), и редко обладают непосредственной перформативностью, редко следуют модели «сказано – сделано», то есть, чаще сопровождают жизнь, нежели на нее влияют). А текстовый «конденсат», экстракт этих энергий, существует как предмет внутри времени и не растекается подобно туману над водой. С ним можно вступать в самые разные отношения: прочесть его и отстраниться,

прочитать и отвергнуть (хотя отпечаток в памяти все равно останется), прочитать и вобрать в себя, переварить, скопировать в реальность – или отразить в кривом зеркале. Можно – попытаться перевести на свой язык (например, экранизировать). А можно – затеять с ним игру.

Толкин, как все мы знаем, появился в России в 1982 году в виде сокращенного и как следует перелопаченного перевода первой части эпопеи “Властелин колец” (сделанного В. Муравьевым и А. Кистяковским). Название этой первой части — “The Fellowship of the Ring” – почему-то перевели как “Хранители”. До появления этого перевода никаких «хранителей» в природе и в литературе не существовало, и вдруг – хлоп! – а их уже из песни не выкинешь. «А! Пиноккио! Это ихний Буратино». Так и здесь: «А! «Содружество Кольца»! Это ихние «Хранители»». Восемьдесят второй! Вспомните, что это за время было. Самая плотная тьма. Ее, казалось, ложками можно было есть. И вдруг – «Хранители». Жизнь изменилась. Приобрела яркость, какой раньше и вообразить нельзя было, новое измерение, прозрачную глубину. Г. В. Бондаренко (магистр философии Оксфордского университета!) в размещенной в Интернете статье «РЕЛИГИЯ УТРАЧЕННЫХ ДНЕЙ» пишет, что это был скорее «опыт жизни... чем опыт прочтения»... «открытие Толкина стало... откровением, первым прикосновением к религии, к чуду...»

Но «Хранители» (тем более нездешние и загадочные, что обрывались на самом интересном месте, словно так и надо) – не только открывали Толкина (причем даже не Толкина, а неведомого и никогда не существовавшего ТолкиЭна) россиянам, но и уводили в сторону от того «Властелина Колец», какого его знали и любили во всем мире. Владимир Муравьев в своем опубликованном в Интернете интервью говорил: «Всякая настоящая литература – это приглашение к игре, вызов. Если вы что-то поняли в литературе, то стали соучастником игры, отчасти восторженным, отчасти изумленным...» И авторы «Хранителей» сыграли с Толкином в свою игру. В итоге русский «Властелин Колец» повис в воздухе – и продолжения нет, и первая часть скорее пересказана, сыграна в джазовом полумпровизационном стиле, чем переведена. Нельзя не признать, что это был со стороны Промысла весьма интересный сюжетный ход. Обратимся еще раз к свидетельским показаниям Г. В. Бондаренко: «Сама незаконченность перевода “Хранителей”, отсутствие второго и третьего томов “Властелина колец”, кем-то потом скучно объясненные политическими причинами, была тоже гениальным ходом. Вечная недосказанность, вечная возможность продолжения игры, вечная тайна, не могли не появиться вместе с “Хранителями”, как они существуют вокруг всего связанного с именем Толкина... На замороженных окнах пригородных электричек мы писали окоченевшими пальцами вторую и третью летопись Алой Книги... мир, что вокруг, мог только подтвердить истину... Мир соглашался с нами, и мы соглашались с миром. Только город вставал неодолимой машиной, город нависал над нами и ждал своего часа. Город, в котором нам всем предстояло вариться и вариться, чтобы быть наконец приготовленными по всем рецептам для этой жизни».

Разумеется, эта постмодернистская ситуация не устраивала никого, даже тех, кто ее в принципе оценил по достоинству. Знающие английский бросились искать оригинал и быстро выяснили, что «Хранители» — это несколько другая книга. После чего возникли два мнения: одни, как тот же Г. В. Бондаренко, предпочли вариант Кистяковского-Муравьева. Например, Бондаренко считает, что «хранительский» перевод стихотворения Толкина “Snow-white! Snow-

white! O, Lady clear!” «куда ближе, не по словам, а по духу, к эльфийскому оригиналу, чем “перевод” Толкина У Толкина получается какая-то Белоснежка. Могут сказать, что это Фродо так услышал: он ведь эльфийский знал не очень хорошо. Согласен. Значит, Кистяковский знал эльфийский лучше... хочется поблагодарить покойного Андрея Кистяковского... за его верные церковнославянизмы и сочные украинизмы, за гениальные переводы несуществующих стихов. Можно найти множество примеров, когда визионер Кистяковский точно делал перевод с эльфийского или гномского (гномического?) оригинала, высматривая его за неуклюжим хоббитским стихом Толкина».

Однако из тех, кто читал оригинал, далеко не все согласились эту чужую игру с любимым текстом принять. Можно усомниться в том, что Кистяковский действительно делал «точный перевод с эльфийского», поскольку в «Хранителях» слишком многое, важное для оригинала, было изменено до неузнаваемости, до противоположности (как стихотворение на эльфийском языке, данное Толкином «без перевода»: Кистяковский и Муравьев почему-то переписали его по-своему и тем самым выдали, что не с того эльфийского делали они свои, возможно, гениальные переводы). «Хранители» – это ДРУГАЯ книга, написанная в соавторстве с Толкином, но без его согласия. Россия по-прежнему оставалась без «Властелина» (а остальной мир – без «Хранителей», но этой беды никакими переводческими усилиями не поправишь). Эта ситуация требовала вмешательства... и оно не замедлило. Толкина начали переводить «самопально». Причем я лично сильно подозреваю, что многочисленными переводчиками и пересказчиками «Властелина Колец» в 80-е годы руководило не совсем и не только желание донести до друзей и знакомых, «чем все кончилось», посвятить их в мистерию, сделать доброе дело. Не только в альтруизме дело, не только в стремлении к просвещению народному, и даже не только в надежде когда-нибудь опубликоваться (кто чаял опубликоваться – переводил все сначала, а не только вторую и третью часть, единственно чтобы дополнить «Хранителей»), хотя все это – в числе побудительных мотивов.

Просто выяснилось, что «Властелин Колец» – это не просто большая книга, не фунт (или пуд) изюму. Выяснилось, что любой переводчик, пересказчик, перевозчик-водогребщик, политоучья влачась вдоль строк «Властелина Колец» и произнося их наново, на свойственном ему, родном для него сленге, наречии, диалекте, аргю и так далее, подражая или искажая – испытывает могучее подсознательное наслаждение от погружения в эту специфическую

«экзистенцию», в образующуюся в процессе перевода смесь реальной жизни, то есть, в терминах Толкина, «Первичной Реальности», с «Вторичной Реальностью» книги. Далеко не с любой книгой такое возможно! Иная переводимая книга способна Первичную реальность переводчика напрочь и необратимо отравить и изгадить. Случай «Властелина Колец» с его десятью (!!!) только вышедшими из печати переводами (доподлинно известно о существовании еще двух) – беспрецедентный. Можно задуматься! Если бы и впрямь взялся написать книгу, статью, мемуар под названием «переводя Толкина» –

можно было бы надолго погрузиться в описание этого элитарного переживания, пира, который растягивается на месяцы и не отягощает, а исцеляет. Который продолжается в купе поезда дальнего следования в обстановке непрерывного тараканопада, на кухне коммунальной квартиры, в больничной палате, за экраном древнего двухцветного компьютера. Пира, который вытесняет все мелкие «пирушки». Должно быть, этого переживания в России удостоилось не меньше нескольких десятков человек, включая тех, кто наговаривал приблизительный перевод на магнитофон или просто пересказывал книгу собравшейся вокруг дачного столика семье, вечер за вечером...

По словам Кристофера Толкина, сына писателя, сказанным в частной беседе, «Властелин Колец» – книга исключительно доброкачественная (так, думается, лучше всего перевести здесь английское слово «healthy»). Погружаясь в перевод этого трехтомного колосса, переводчик получает не просто исключительное удовольствие, не просто «кайф» («кайф» быстро приелся бы). Здесь что-то более основательное. И быстро читая, и медленно переводя, общаешься с чем-то необходимым, словно лежишь под капельницей с живительным раствором. И не возникает ни аллергии, ни чувства пресыщения. Это как у Льюиса: «Once King in Narnia – always King in Narnia» («Раз побывав королем Нарнии, остаешься им навсегда»). Другое дело, что «королями Нарнии» становятся не все, некоторые, наоборот, становятся «большевиками Средьземелья», я говорю в том числе о полемических по отношению Толкину продолжениях и истолкованиях. Полемисты, продолжатели и опровергатели, сильно подозреваю, получают от своей «контрреволюционной» деятельности примерно такое же подсознательное «насыщение», что и апологеты, и переводчики.

Об эффекте «целительности» трилогии читатели писали Толкину еще при его жизни. В одном из своих писем¹ он отвечает своей корреспондентке такими словами: «Вы пишете, что моя книга будто бы излучает «здоровье и святость». Я глубоко тронут... Ответить могу только одно: человек не может, не подвергая себя опасности, сам судить о своем духовном здоровье. Если в его трудах действительно живет святость и если кому-то кажется, что они-де исполнены света – это происходит не благодаря автору, а исключительно через него, через его посредство... если же в вас обитает другой дух, вы исполнитесь презрения и ненависти...»

Именно эти «здоровье и святость» дают силы многочисленным переводчикам преодолевать бескрайние просторы текста, где на каждом шагу можно подкреплять силы произрастающими на этих просторах плодами. Но, переваренные переводчиками для их несомненной пользы, сохраняют ли эти плоды целительную силу, чтобы утолить еще и жажду читателей? И насколько пагубно отзываются на «здоровье и святости» оригинала переводческие намеренные и ненамеренные игры с текстом?

Причем ведь практика показывает, что перевод тютелька в тютельку точный иной раз подобен точному макету человека: все на месте, а не ходит, не говорит, и глаза не светятся – как у гномов, сделанных Вала/ром/ Аулэ, пока Единый Творец не сжалился и не вдохнул в них жизнь. Поневоле вспомнишь, как группа ученых (не упомяну даты) пыталась получить жизнь или, на худой конец, органическую молекулу внутри кастрюльки с «первичным бульоном». «Бульон» обстреливали

электричеством, ионизировали и деионизировали, но ничего так и не зародилось. А ведь все первичные элементы были налицо...

Но вернемся к процессу перевода. Вот он длится, длится, и в итоге этого длежащегося переваривания, перемешивания себя и текста, реальности текста и своей повседневности, а потом уже и собственного чернового перевода со всеми прежними компонентами – начинаешь, разумеется, воспринимать текст как свое, кровное. Вступают в действие древнейшие архетипы. Съев пуд соли с текстом, свыкнувшись с ним, начинаешь ощущать его своей собственностью, с которой ты волен сыграть в какую хочешь игру (прямо «Сказка об умном мышонке» Маршака). Следующий шаг – присвоение себе права делать с «освоенным» текстом все, что заблагорассудится (таких собственников – уже сотни, в их числе – Перумов и Ко, «игровики» и Ко...). «Властелин Колец» уподобляется Единому Кольцу. А Кольцом, известное дело, никто не хочет делиться. Толкином никто не хочет делиться. «Он моя, моя игрушка!»² Каждый из переводчиков-«игроков» мог бы написать книгу «Мой Толкин». Мой! «Пушкин – это все НАШЕ!» (так пошутил с известной фразой поэт Герман Лукомников, проиграв все возможные в ней перестановки слов – от «пушкин это наше всё» до «наше всё это пушкин» (так и просится запятая перед «пушкин»: «наше всё это, Пушкин!»)). А как славно все начиналось! За что же боролись? Неужели только за то, чтобы написать на скале «Властелина Колец» «здесь был я»? Чтобы, как в толкиновской повести «Лист кисти Ниггля», «испортить своим присутствием» волшебную даль и превратить ее во что-то обыденное и близкое, а то и низкое, ополчившись на толкиновские «возвышенности», так раздражавшие некоторых критиков, и не только критиков? Эхом отдается мой вопрос в пространстве Если же напрячься и вспомнить, что на самом деле Толкин – ничья не собственность... что только он сам (и даже не наследники) – истинный хозяин своего текста...

Тут мне возразят: а ничего подобного. Вот процитированный выше Г.В.Бондаренко считает, что переводы толкиновских стихов, выполненные Кистяковским, лучше толкиновских. Переводчик В.Грушетский считает, что Толкин лишь отдаленно уловил то, что в яви видел Даниил Андреев. И так далее. Мне скажут: это уже не игра. Пусть Толкин потеснится. В России издавна умели вскрывать глубины разных плоских вещей, привезенных из-за границы. В повести В.Пьещуха к интеллигентному разнорабочему (а если прикажет начальство – то и нищему-попрошайке) по ночам приходит Гёте. И герой читает Гёте «Сцены из Фауста» Пушкина. И Гёте, который собирался позабавиться, остается только крикнуть и призадуматься. Так-де и у нас ещё напишут «Сцены из Властелина», и Запад присядет на корточки и разведёт руками.

На это можно ответить только одно: вот когда напишут, тогда и поговорим. Существующие пересказы (Г. В. Бондаренко вставил бы здесь: «Кроме переведённого Кистяковским стихотворения про Элберет!») «Властелина Колец» пока что все как на подбор площе и проще оригинала. Нет... не явился еще пока тот Пушкин. И какие бы бури не бросали «Властелина» по странам и народам, по просторам Сибири и донецких степей... его хозяином остается Толкин и больше никто.

.....

«...И кричит во тьме ночной: Поиграй, дружок, со мной!»

Да ведь игра не вскрывает сути предмета, с которым играют. Может быть, играющий получает от игры многое, как младенец, играющий со сковородкой. Но младенцу невдомек, для чего нужна сковородка, и яичницы он себе на ней не состряпает.

Кроме того, текст, хотя и обладает многими признаками вещи среди вещей, все-таки еще и

– *весть*, передаточное устройство, трансмиттер. И нужно стряхнуть соблазн присвоить эту чужую вещь-весть или превратить ее в игрушку. Вернуться в свои, переводческие, сани, на место радиста-дешифровщика. Цитирую, опять-таки, Муравьева: «Если переводчик, образно говоря, не убьет в себе себя, как иконописец убивает в себе живописца, он не сможет работать. Почти никому это не удастся».

Нам скажут (и уже говорят): а сами? Почему вы так многословно переводили лаконичные фразы (как на каждом шагу подчеркивает придирчивый Марк Хукер), почему вы жирным карандашом подчеркнули скрытые библейские цитаты и христианские аллюзии во «Властелине»?

Дело в том, что просто опустить их (как сделали многие другие) мы не хотели, а «скрыть» их – как скрыты они в оригинале – «скрыть» на фоне нашей истории и в контексте русской то «богоносной», то «богоборческой» культуры – оказалось очень сложно. Интересно поступили в этом плане Муравьев с Кистяковским: убрали христианские аллюзии там, где они были (в том же набившем уже оскомину примере с «Пламенем Анора», которого Гэндальф в «Хранителях» повелитель, а у Толкина слуга) и вставили их туда, где их не было, причем подчас очень удачно: например, узнать в голлумовской «прелести» святоотеческий, сугубо православный термин (к месту употребленный, надо сказать) непосвященному человеку невозможно, а посвященный сразу дкляет стойку. Вот вам, пожалуйста, типичная скрытая аллюзия (только, повторяю, там, где ее нет у Толкина). Мы не «лучше» других переводчиков, и у нас нет Кольца. Мы начинали свой собственный, автономный перевод, задавшись целью понять дух книги, отказавшись от принципа игры, и задача эта оказалась такой непростой, что мы продолжаем ломать над ней голову и посейчас (наш перевод, как и комментарии к «Хоббиту» и «Властелину», был только промежуточным этапом на этом пути). То и дело кажется, что ты уже на подступах и вот-вот решишь загадку «волшебного далека», загаданную Толкином еще в «Листе кисти Ниггля»... Но даль снова отступает. И то, что, казалось, было уже освоено и присвоено, растоптано игровым жаргоном и раскрашено флуоресцентными красками, безобразно одобрено дураками и ими же столь же непристойно охаяно (а умными толковано-да-не-дотолковано), опять оказывается «окутано в цветной туман».

О время, когда о Толкине еще никто ничего не знал! Когда он был не более чем ярким и таинственным именем, горящим в темноте дворов, - когда еще не стерлась свежесть этих красок.

Когда над городом стояла звезда.

Когда не было в ауре этого имени фраз и словечек вроде «толкнутые»!

Когда еще даже и «Хранители» не появились!

Когда существовал только английский текст, и тот – только на полке у еще почти неизвестного Гребенщикова!

«Heart shall be bolder, harder be purpose,

More proud the spirit, as our power lessens...»

J.R.R.Tolkien, „The Homecoming of Beorthnoth“

«Тьма! Везде – тьма, и рок настиг нас!

...Но что там? Пламя

горит в камине, и свет в окнах;

сходятся люди из тьмы туманов,

из мрака ночи, где ждет гибель...

Воля, будь строже, знамя, рей выше,

Сердце, мужайся, — пусть сил все меньше...»
Дж.Р.Р.Толкин, «Возвращение Беорнота»

Когда мы вылупились в зиму,
Вокруг стояло мирозданье.
Вослед зашторенному «ЗИЛ»у
Неслось метельное зиянье.

И бес верстою наряжался,
И бдил, стокий и столичный,
И Толкином распоряжался
Гребенщиков единолично.

Такой далекой чистоты
С тех пор у ночи не бывало,
С тех пор на небе не стояло
Такой звезды,

Такой готовности к страданью...
И, словно к тайному заданью,
Мы примерялись к мирозданью,
Исследуя его зады.

О том — до пятак на веки...
Во *тьму туманов* — как влюбленность...
Печально знать свою вовеки
Невовлеченность, отделенность,

Не разбираться в горьких водках,
Не откровенничать впольяна,
Грустить в пиру, скучать на сходках
И жить у кромки океана,

Но пусть весь мир зайдется в раже —
Стой, сердце, строже, стой на страже.
Что было в той поре былого,
Мы примем в слово,

Не дети — а мужи и жены...
И на заре, прихлынув, волны
Вернут нам это слово вольным,
Преображенным³.

1 П., с. 413, №328, письмо к Кэрл Баттен-Фелпс, осень 1971г.

2 Елена Шварц («Мой любовник — он моя игрушка./ Гуттаперчевая синяя лягушка./ Тронешь — он подпрыгнет, слабо свистнет./ Мой он, мой, никто его не свистнет. / Он моя, моя игрушка!»).

3 М.Каменкович.

Перевод Марии Каменкович
(Продолжение. Начало в №№21-32)

Кажущиеся парадоксы: радостная печаль и безнадежное бесстые

Это представление о добродетели вызывает у некоторых досаду и желание его оспорить: досаду — только потому, что мужество как добродетель сегодня уже не совсем в моде; желание оспорить и отрицание — потому, что некоторым критикам кажется, что Фродо и его товарищам будто бы чересчур легко было одержать победу. В конце концов, им даже удалось спастись! Из девяти членов Содружества Кольца(19) по дороге к цели погиб только Боромир, который к тому же заслуживал гибели. А Гэндальф, хотя на первый взгляд и погиб, позже снова оказался в живых. Драматический накал поддерживается благодаря малой горстке тех персонажей из лагеря “хороших”, которых все-таки приходится принести в жертву; как правило, это старики, как Теоден и Даин, или же совсем второстепенные персонажи вроде Гамы и Хэлбарада(20), да еще те, кто упоминается в роханской поминальной песне, составленной после Битвы на Полях Пеленнора: здесь приводится список погибших, многие из которых вообще представлены в тексте только именами. В рецензии “Обзервера” (27 ноября 1955г.) (это была одна из рецензий, которые привели Толкина в особое раздражение, см. ХК, с.223(21)), критик Эдвин Муир выдвинул тезис об инфантильности, не-взрослости романа, что выражается в его-де “безболезненности”. “Хорошие мальчики выигрывают смертельную битву и выходят из нее невредимыми, счастливыми и торжествующими; впрочем, мальчики обычно на иной исход и не рассчитывают. Жертв совсем немного, и те незначительные”. В этом есть доля истины (например, Толкин по добросердечию, дал возможность эвакуироваться населению Минас Тирита и пощадил пони Билла), но в то же время в этом заявлении присутствует и очевидная ложь. Например, когда все заканчивается, о Фродо никак нельзя сказать, что он остался “невредим”, “торжествует” или хотя бы “счастлив”. Но пример Фродо — только часть более общей и гораздо ярче выделенной темы, которая проходит через всю книгу. Это тема неудачи добра и — в некотором смысле — “пораженчества”. В строгом смысле слова “Властелин Колец” “пораженчества” категорически не приемлет. Согласно ОСА, “пораженчество” — “*defeatism*” — является прямым заимствованием из

французского языка (“*defaitisme*”) и впервые зарегистрировано в английском языке в 1918г. Оно означает “поведение, которое ведет к принятию поражения в войне, особенно путем воздействия на общественное мнение”. Лучшие друзья Толкина погибли во Фландрии, так что у него были все основания ненавидеть подобное “поведение”, и действительно — в Средьземелье только одному Дэнетору дозволяется высказать “пораженческие” настроения. Но даже Дэнетор знает только один ответ на поражение — ритуальное самоубийство. Ему и в голову не приходит заводить с врагом переговоры о каком-нибудь “вишійском” статусе(22), хотя именно это предлагает Западным Королям “Язык Саурана” в т.III на с.224 “Властелина Колец”, в речи, насыщенной средьземельскими аналогиями, таким понятиям, как “репарации”, “демилитаризованные зоны” и “марионеточные правительства”. Гэндальф отвергает эти предложения особенно яростно, да и в другое время любые дискуссии о “ближних перспективах” и “возможностях” делают его жестким и несговорчивым: “И все же, — Гэндальф поднялся с кресла и резко выставил подбородок, так что его борода встала стоймя, как проволока, — все же мы должны держаться! Скоро ты будешь здоров — если я не заговорю тебя до смерти. Ты в Ривенделле, и не тревожься пока ни о чем!” Изречение “...довольно для каждого дня своей заботы”(23) представляется девизом Гэндальфа. Однако, как и другие мудрые мужи и жены, фигурирующие в повествовании, он все же готов смириться с поражением, но только в качестве долговременной перспективы, которая во “Властелине Колец” в целом все-таки не отрицается.

Галадриэль говорит о своей жизни: “Вот уже многие века мы ведем борьбу, обреченную на поражение”. Ей вторит Элронд: “Я видел много поражений и много бесплодных побед”. Позже он ставит под сомнение употребленный им эпитет “бесплодный”, однако по-прежнему утверждает, что одержанная в древние времена победа над Саураном, в которой Сауран был повержен, но не был уничтожен, “не достигла своей цели”. Вся история Средьземелья показывает, что хорошего результата можно достигнуть только огромной ценой, в то время как зло, даже побежденное, возрождается практически когда ему угодно. Так, крепость зла Тангородрим(24) была низложена, но зло при этом отнюдь не было “обезглавлено навеки”, как казалось эльфам. Ушел под воду Нуменор, но от Саурана и при этом избавиться не удалось. Когда Сауран потерпел поражение в решающей войне, Кольцо попало к Исилдуру, но эти события только запустили процесс, который в итоге привел к концу Третьей эпохи. И даже несмотря на то, что возникший кризис удалось в конце концов преодолеть, из текста совершенно ясно, что этот успех точно так же бесплоден, как и все остальные, — или, может быть, лучше сказать, плоды его горьки на вкус. Если Кольцо будет уничтожено, говорит Галадриэль, то и ее кольцо, и кольца Гэндальфа и Элронда потеряют силу, так что Лотлориэну суждено будет “поблекнуть”, а эльфам “умалиться”. Вместе с ними должны будут уйти энты и гномы, да, по сути, и весь вымышленный мир Средьземелья, — уйти и уступить место новым временам, в которых будут господствовать люди. Можно сказать, что все вымышленные народы вместе с их историями “ужмутся” до потерявших смысл стихотворных обрывков и неправильно понятых фрагментов старинных текстов, вставленных в поздние повести или баллады. Особенно пострадает красота. “Остается надеяться, — говорит Теоден, — что война, в чью бы пользу она ни закончилась, не лишит Средьземелья всех его тайн, красот и чудес!” “Саурановой скверны до конца выкорчевать не удастся никогда, — отвечает Гэндальф. — Не удастся и вернуться к тому, что было прежде...” Фангорн подтверждает это. Он говорит о своем вымирающем народе: “Песни, как и деревья, приносят плоды лишь в назначенное время, и никто не может сказать, как именно это свершится. А бывает и так, что песни увядают раньше срока...” Общественное мнение Средьземелья суммируется в афористическом утверждении Гэндальфа: “Я — Гэндальф, Гэндальф белый, но Черное все еще сильнее”.

Из всего этого *можно было бы* сделать довольно тревожные выводы. Эти слова

волшебника звучат определенно по-манихейски. Однако, как мы уже видели, Толкин следил за тем, чтобы как можно чаще давать слово возражениям против манихеизма и подтверждениям отсутствия у зла собственной сущности. Откуда же тогда это постоянное пессимистическое ожидание поражения?

Достаточно ясно, что главной задачей “Властелина Колец” было драматизировать, явить в лицах ту “теорию мужества”, которую Толкин, в лекции, прочитанной им для Британской Академии, назвал “великим вкладом” древней литературы Севера в сокровищницу человечества. Ключевым мифом для этой теории было пророчество о Рагнареке — о дне, когда боги и люди сразятся с великанами и потерпят поражение. “Теория мужества” делает из этого пророчества великий вывод: поражение еще не есть бесчестие. Правая сторона остается правой даже тогда, когда у нее нет надежды на победу. В некотором смысле северная мифология требует от людей больше, чем христианство, или, можно сказать, лучше о них думает, поскольку не предлагает ни рая, ни спасения, ни иного вознаграждения за добродетель, кроме мрачной удовлетворенности тем, что совершенные поступки были совершены правильно. Толкин хотел, чтобы герои “Властелина Колец” соответствовали этим высоким стандартам. Поэтому он позаботился о том, чтобы они не могли питать надежды на легкий успех, и более того — чтобы они отдавали себе отчет в том, что в конце все равно ждет поражение и суровый приговор судьбы.

Тем не менее, сам Толкин был христианином и хорошо осознавал проблему, коренящуюся в сердцевине “теории мужества”, которой он так восхищался: источник этого мужества — отчаяние и безнадежность, а дух, который его оживляет — это зачастую дух языческой свирепости. Как Толкин справлялся с этой трудностью, можно подсмотреть, прочитав его пьесу-плюс-эссе “Возвращение Беорнота, сына Беортхельма”, опубликованную в 1953г., за год до “Содружества Кольца”(25). Эта пьеса представляет собой как бы коду к древнеанглийской поэме “Битва при Мэлдоне”(26), в которой запечатлено поражение, понесенное англичанами от викингов в 991г. н.э. Особенно восхваляется в этой поэме несгибаемое мужество телохранителей военачальника англос по имени Беорнот. Его личная гвардия отказалась отступить, даже когда сам Беорнот был уже убит. Телохранители Беорнота сражались у его тела до тех пор, пока не полегли все до единого. В словах старого слуги Беорнота по имени Беортвольд выражена суть воодушевлявшего их чувства:

“Heart schall be bolder,
Harder be purpose,
More proud the spirit,
As our power lessens...”¹

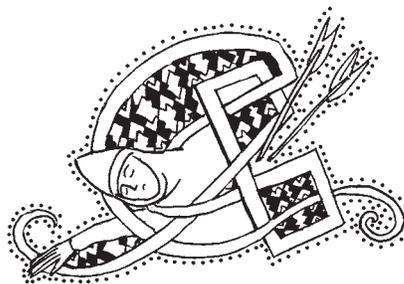
Эти строки, говорит Толкин, “всегда считались наиточнейшим выражением северного героического духа, будь то скандинавского или английского: именно в них яснее всего выражено учение о беспредельной стойкости, поставленной на службу непреклонной воле”. С другой стороны, Толкин чувствовал, что в них есть и что-то сомнительное. По его понятию, к 991 году они уже устарели; он видел, что их мог бы произнести как христианин, так и язычник, а свирепый и яростный дух, который нашел в них свое выражение, как раз и был одной из причин слишком поспешного решения Беорнота, который позволил викингам беспрепятственно пересечь мешавшую им реку (узкая переправа ставила викингов в неравное положение, и, если бы не жест Беорнота, захватчики потерпели бы поражение. — М.К.) и разрешить им сражаться на твердой земле. Это решение привело к поражению англос и к гибели ни в чем не повинных людей.

Соответственно, в пьесе Толкина эти слова произносит вовсе не Беортвольд — они являются частью сна, который видится юному поэту Тортхельму:

“Тьма! Везде — тьма, и рок настиг нас!
 Ужели свет сгинул? Зажгите свечи,
 Огонь раздуйте! Но что там? Пламя
 Горит в камине, и свет в окнах;
 Сходятся люди — из тьмы туманов,
 Из мрака ночи, где ждет гибель.
 Чу! Слышу пенье в сумрачном зале —
 Слова суровы, и хор слажен:
 Воля, будь строже, знамя, рей выше,
 Сердце, мужайся, — пусть силы сякнут:
 Дух не сробеет, душа не дрогнет —
 Пусть рок настигнет и тьма настанет.” (28)

Сам Толкин отнюдь не думал, что зло в конце концов действительно одержит победу. В видении Тортхельму слышатся голоса языческих предков. Но последние были ничем не лучше викингов, которые “идут на Лондон в ладьях своих длинных, / пьют здравье Тора, обречены аду...”. Предки-язычники совершают ту же ошибку, что и Гэндальф, или даже большую. Когда Тортхельм приходит в себя, Тидвальд упрекает его в “языческих” настроениях. Пьеса заканчивается пением монахов из аббатства Эли — они поют погребальную молитву “*Dirige*” из службы по усопшим.

Но все же Толкин признавал и одобрял тот порыв к добру, который эта традиция прячет за гордостью и скорбью. Он хотел, чтобы жители его Средьземелья обладали таким же безоглядным, не разбавленным уверенностью в себе мужеством, которое в то же время не знало бы ни ярости, ни отчаяния. Наиболее мудрые герои “Властелина Колец” часто не могут надеяться на благополучный исход и оказываются на самом краю бездны отчаяния, но никогда не поддаются порыву ступить в нее, — в отличие, например, от Дэнетора, который, впав в отчаяние, отказывается сражаться до последнего и, подобно древним язычникам, убивает сам себя, пытаясь при этом заодно принести в жертву своих близких.

Толкину требовался новый образ совершенной храбрости, более мягкий, но не менее впечатляющий, чем образ Беортовольда из древней поэмы. Как ни странно, он решил замесить этот образ ни на чем ином, как на смехе, веселости и полном отказе заглядывать в будущее. В среднеанглийской литературе встречаются намеки на возможность такого пути; например, поэма “Сэре Орфео” рассказывает о том, как в критический момент, безумный король встречает дам, участвующих в соколиной охоте, и ему делается смешно. Как аналогию из современной литературы можно привести повесть Джозефа Конрада “Теневой контур” (1917г.) (29), где говорится о том, что смех имеет силу изгонять демонов. Во “Властелине Колец” эту позицию выражает, например, персонаж с таким высоким статусом, как Фарамир. Он не надеется больше свидеться с Фродо еще раз, но все же рисует картину того, как когда-нибудь в неведомом будущем они сядут “у крепостной стены, на солнышке, и посмеются над прошлыми горестями”. Но истинные носители “теории смеющегося мужества” — хоббиты; их поведение — это калька с английской привычки шутить в самых сложных обстоятельствах, но имеет более глубокие семантические корни.

Поэтому именно Пиппин, взглянув на солнце и знамена, предлагает Берегонду утешение, а Мерри не теряет присутствия духа даже тогда, когда кажется, что и Теоден пал добычей “страха и сомнения”. Но Сэм, на пути в Мордор, превосходит обоих. У него даже меньше оснований питать надежду на благополучный исход, чем у Фарамира. Более того, нам сообщается, что Сэм, “по совести говоря, в глубине души никогда не надеялся на удачу. Впрочем, он был хоббит

жизнерадостный и, пока с отчаянием можно было малость погодить, не торопился падать духом. На этот раз выхода вроде бы не предвиделось. Но Сэм всю дорогу держался рядом с хозяином, он и пошел-то с ним ради этого, и вовсе не собирался оставлять Фродо” (“Властелин Колец”, т. II, с. 339).

Иной поинтересуется — возможно ли веселиться, когда нет надежды выжить? Разумеется, по трезвом размышлении это представляется едва ли возможным. И все же идея звучит убедительно, тем более, что она перекликается с несколькими книгами воспоминаний о Первой Мировой войне, написанными ее участниками, — особенно, наверное, с книгой Фрэнка Ричардса “Старые солдаты не умирают” (опубликованной в 1933г. и написанной, что символично, не офицером, а рядовым). Семантическая игра, которую позволяет себе Сэм, повторяется у Пиппина. Он рассказывает про Фангорн и про последний поход энтов. Был ли этот поход “бесплодным”? Непосредственные итоги похода, очевидно, говорят об обратном, но что касается дальней перспективы, то Фангорн хорошо знает, что и его народ, и история его народа бесплодны. Осознание этого делает его, по словам Пиппина, “печальным, но нельзя сказать, чтобы несчастным”. С точки зрения современной английской семантики эта фраза практически лишена смысла, как, например, словосочетание “беснадежная радость”. Но в древности слово “*sad*” — “печальный” — означало “полный решимости, решившийся”, а слово “радость” (“*cheer*”) происходит от древнефранцузского “*chair*” — “лицо”. Эти семантические парадоксы подкрепляют убеждение Толкина в том, что решимость должна пережить все, даже самое худшее, и что претензия на мужество ценнее самого искреннего отчаяния.

Однако лучшее описание новой толкиновской “теории мужества” содержится, наверное, в конце книги IV, в главе 8, которая называется “Ступени Кирит Унгола”. Здесь Сэм с Фродо, как ранее и Фарамир, уже почти ни на что не надеются, но все же разрешают себе пометать о том, как другие, возможно, будут когда-нибудь в грядущем “смеяться над их горестями”. Фродо, в ответ на одну из реплик Сэма, смеется и сам. “Такого звука не слышали в этих местах очень и очень давно, по крайней мере с тех пор, как Саурон появился в Средьземелье. Сэму вдруг померещилось, что камни внимательно прислушиваются, а скалы, сдвигаясь, наклоняются над ними.” Но потом Сэм и Фродо засыпают. В это мгновение возвращается Голлум и, взглянув на спящих хоббитов, успевает на мгновение не только полюбить тот мир и покой, отражение которого он видит на их лицах, но и оказать ему почтение. В этой толкиновской притче есть характерная жесткость: именно в этом единственном случае, когда в сердце Голлума что-то оттаяло и он сделал жест раскаяния, Сэм, проснувшись, неправильно понял его и обвинил в том, что он-де якобы “лапает” его хозяина и что “вся-то повадка у него предательская”. Мимолетное доброе намерение Голлума осталось без вознаграждения. Но ведь и Голлум не отблагодарил своего хозяина за доброе намерение спасти его от Фарамира и гондорских лучников: вместо того, чтобы поблагодарить Фродо, Голлум предпочел плевать, злобствовать и жаловаться на “маленькие проказы” своего “доброего хозяина”. Сэма оправдать нельзя, однако, возможно, именно на этом месте окончательно лопаются доводы такой критики, как критика Эдвина Муира. Добро во “Властелине Колец” побеждает, но при этом гибнут, кроме Теодена и Боромира, красота старого Средьземелья, Лотлориэн и даже Голлум. Герои отдают себе отчет в своих потерях и несут бремя сожаления об утраченном. Но они должны во всем видеть лучшую сторону и не путать “печаль” с “отчаянием”(30); поэтому даже школьный юмор хоббитов по-своему исполнен смысла. В конце концов, Толкин изложил принципы своей “теории мужества” и “теории смеющегося мужества” достаточно четко. Неспособность критиков увидеть действие этих принципов в тексте проистекает отчасти просто из-за сопротивления чуждой идеологии, отчасти из-за неосведомленности критиков по части основной структурной модели, которая лежит в основе “Властелина Колец”; эта древняя модель, предшествовавшая появлению романной

формы как таковой, носит название “*entrelacement*” — “переплетение”.

Этука “переплетения”

В отношении Толкина к технике “переплетения” есть нечто загадочное, поскольку, по всем признакам, он должен был бы ее скорее недолюбливать. Самый известный литературный памятник, где применяется техника “переплетения” — это французский цикл прозаических повестей о короле Артуре, написанных в XIII столетии и известных как “Цикл Вульгаты”. Они были переведены на английский язык сэром Томасом Мэлори, правда, уже со значительными сокращениями. По модели “переплетения” построены и поздний итальянский эпос о рыцарях Карла Великого, и “Влюбленный Орланд” Бойярдо(30), и “Разъяренный Орланд” Ариосто(31), в подражание которому Спенсер написал свою “Королеву фей”.

Именно поэтому у ранних обозревателей и возникло искушение сравнивать Толкина с Мэлори, Спенсером и Ариосто. Однако Толкин неблагодарно отвечал на это, что он Ариосто не читал, а если бы прочел, то остался бы недоволен (ХК, с.218), а Спенсер и вообще, можно сказать, воплощал для него все самое ненавистное в литературе(см. выше, с.52). Что касается короля Артура, то Толкин вполне мог считать циклы легенд о нем образцом типичной английской рассеянности. Почему англичане проявляют такой интерес к валлийскому национальному герою, который всего себя посвятил борьбе с этими самыми англичанами, и чья история известна только во французском пересказе? Однако факт остается фактом: Толкин создал роман, построенный по законам *entrelacement*. Для своего издания “Сэра Гавейна и Зеленого Рыцаря” ему пришлось перечитать немало французской литературы; возможно, он нашел, что даже “Беовульф” на свой лад не чужд этой технике. Кроме того, Толкин знал, что по-исландски короткий рассказ называется “*pattr*” — “ниточка”. Саги часто состоят из нескольких “*poettir*”, переплетенных нитей. Именно этот образ приходит на ум Гэндальфу, когда тот говорит Теодену: “Спроси детей! Им легко извлекут нужный ответ из перепутанных нитей древних легенд”. Распутывание *entrelacement* — это по крайней мере один из путей к мудрости (32).

Однако если великие старинные романы, построенные по технике “переплетения”, чем и замечательны, то уж никак не “мудростью” Издатель Мэлори Юджин Винавер комментирует этот стиль так:

“...Приключения громоздятся одно на другое без всякой видимой последовательности и вне всякой видимой композиционной структуры, и на сцене, в самой дикой очередности, появляется невероятное количество персонажей, по большей части безымянных... Цель их встреч и предприятий остается туманной, и они редко выполняют ставимые ими перед собой задачи; они встречаются, расстаются и встречаются снова. Каждый из них поначалу преследует какую-то одну определенную цель (*quest*), но в любой момент может с легкостью свернуть с пути и отправиться навстречу новым приключениям и новым задачам” (33).

В итоге получается лишнее смысла смешение всего и вся. С Толкином дело обстоит совсем не так. Основной структурный образец, который составляет самую суть “Властелина Колец” — это разлуки, встречи и скитания, но все эти события упорядочены, во-первых, с

помощью карты (в сказаниях артуровского типа карт не бывает), а во-вторых, с помощью строжайших хронологических рамок, согласно которой все передвижения персонажей расписаны по датам и дням. При этом повествование постоянно “перепрыгивает” с одного места на другое.

Если говорить конкретно, то в “Содружестве Кольца” повествование течет еще в едином русле, следуя за перемещениями Фродо; исключение составляют ретроспективные истории, которые рассказываются в главах “Тень Прошлого” и “Совет Элронда”. Девятеро Пеших неразлучны от момента, когда они покидают Ривенделл, и до самого конца тома, если не считать, что в Мории они теряют Гэндальфа. Но 26 февраля, на Амон Хене, Содружество распадается. Боромир погибает. Фродо и Сэм уплывают в лодке. Пиппина и Мерри покидают Урук-хаи. Арагорну приходится выбирать — преследовать ли ему Урук-хаев или пытаться догнать Кольцо? И он, в компании Леголаса и Гимли, решает преследовать орков. Итак, Содружество распадается на три группы, и повествование начинает следить за каждой из них отдельно. Главы 1 и 2 кн. 3-ей берут на себя Арагорна, Леголаса и Гимли с 26 по 28-е февраля; главы 3 и 4 — Пиппина и Мерри от 26 февраля до 2-го марта; главы 5-7 возвращаются к Арагорну и его товарищам и “перепрыгивают” вместе с ними через головы Мерри и Пиппина, опять-таки, в 4-е марта; в главе 8 эти две подгруппы Содружества воссоединяются (5-го марта), чтобы Мерри и Пиппин поведали, что произошло с ними к этому моменту. В главе 11 они разделяются снова: Гэндальф (который в главе 5 вернулся из Мории) уезжает, прихватив Пиппина; Мерри пускается в путь в свите Теодена, а Арагорн, Леголас и Гимли снова покидают их и отправляются на Тропу Умерших. Они не встретятся с остальными до гл.6 кн.5-ой, которая носит название “Битва на полях Пеленнора”. Однако это не единственные ниточки повествования. Все это время Фродо и Сэм ткнут еще одну нить, причем по тому же принципу: одни временные отрезки повествования перекрываются с другими. Они тоже пускаются в путь 26 февраля и к началу кн.4-ой добираются до 28-го. Зато к концу книги они доходят до 13-го марта, то есть по отношению к событиям, о которых говорится в кн.3-ей, обгоняют своих друзей на целых восемь дней. Гэндальф и остальные “совпадают” с Фродо и Сэмом только в 5 главе кн.5-ой, но потом снова продолжают свой путь без них до самого 25 марта, даты, которой двое хоббитов достигают только еще через три главы.

Эта непривычная форма изложения хорошо помогает автору поддерживать читателя в состоянии удивления и напряженного ожидания — а что же будет дальше? То, что исход битвы в Хельмской Теснине был решен энтами и хьорнами, которые, правда, к моменту нашей последней с ними встречи уже шли маршем на Исенгард, является для читателя потрясением, — ведь он не знал, на что они способны. Показательна и сцена в конце кн.5, где Пиппин падает в лужу черной тролличьей крови, и с этого момента его дальнейшая судьба целиком зависит от событий, о которых читатель пока что ничего не знает. Но для Толкина смысл *entrelacement* был не только в том, чтобы удобнее было держать читателя в напряжении.

Мы уже приводили выше один пример ретроспективной связи событий. Когда Фродо, попав на Амон Хен, ощущает давление Глаза, к нему обращается какой-то не названный по имени Голос и предоставляет хоббиту одно мгновение свободы действий. Этот голос принадлежит Гэндальфу, хотя Фродо (а с ним и читатель) полагает, что Гэндальф мертв. В кн. 3-ей, на с.131, Гэндальф сам признается в том, что это был его голос, хотя говорит он об этом очень скупно: “Я сидел тогда высоко, высоко над миром (может быть, на каком-нибудь дереве в Лотлориэне? — Т.Ш.) — и сражался с Черным замком”, но Арагорн и остальные не имеют понятия, о чем речь. В том же самом месте Гэндальф замечает, что послал орла Гвайира наблюдать

за рекой; по-видимому, это был тот самый орел, которого заметил Арагорн, вглядываясь в даль с вершины Амон Хена на первых страницах “Двух башен”, хотя тогда Арагорну не пришло в голову придать появлению этой птицы какое-либо значение. Нередки и другие перекрестные ссылки. Так, когда два хоббита сообщают Фангорну о гибели Гэндальфа, старый энт смотрит на них особенным “долгим взглядом”; этот взгляд выражает недоверие, поскольку Фангорн видел Гэндальфа не далее как два дня назад. Но читатель не понимает значения этого эпизода, пока Гэндальф, примерно тридцатью страницами позже, не рассказывает об этой встрече с Фангорном сам. Тем временем через все повествование то туда, то сюда на страшной скорости пронесется Назгулы. Перебираясь через Эмин Муйл и Мертвые Болота, Фродо и Сэм ощущают их над собой в небе три раза — на сс.292, 326 и 335 в т.П, то есть 29 февраля, 1 марта и 4 марта. Голлум убежден, что это не может быть случайностью. “Три раза! Это уже прямая угроза. Они чувствуют, где мы, они чуют Сокровище. Они слуги Сокровища. Дальше идти нельзя! Туда нельзя! Незачем! Уже незачем!” Его догадки кажутся обоснованными, но они неверны. Все три раза совершенно случайны, и нам уже не трудно выяснить, куда в каждый из этих трех раз летели Назгулы на самом деле. Первый возвращался домой, не дождавшись орка Грышнаха, который в тот же самый день был убит и сожжен на костре, при том, что дым этого пожара “видели многие зоркие глаза”. Второй направлялся на разведку в Рохан и к Саруману. Третий летел в Исенгард и попутно встревожил Пиппина, которому померещилось, что Призрак летит по его душу (т.П, с.277). Тем временем тело Боромира, путешествуя вниз по Великой Реке, тянет за собой похожую изнаночную нить, с тем чтобы позднее лодку с телом увидел Фарамир, заметил застезку на поясе у мертвеца и восемь дней спустя сравнил ее с брошками Сэма и Фродо. Эти соответствия и аллюзии, связывают, как сказали бы мы, повествование воедино; а если использовать образ, приведенный Гэндальфом, то можно сказать, что они показывают нам, как переплетаются между собой отдельные нити. Таким образом мы уверяемся, что повествование не выходит из-под авторского контроля; эти соответствия важны для любого читателя, который еще не потерял из поля зрения всего сюжета.

Однако для героев все выглядит иначе, равно как и для читателя, который дал своему вниманию расслабиться (да и чье внимание не расслабилось бы в таких условиях?). В этом контрасте между полным и частичным пониманием происходящего как раз и кроется главный эффект техники “переплетения”.

Для героев происходящее с ними кажется, если повторить использованный уже ранее термин, “наваждением”, “мороком” (“*bewilderment*”). Они блуждают по лесам и равнинам Средземелья, не понимая, что с ними происходит, и не зная, что они должны делать в тот или иной момент. Арагорну приходится выбирать, куда ему пойти — в Мордор или в Минас Тирит; он медлит с решением — и через миг ему приходится уже выбирать между Сэмом с Фродо и Мерри с Пиппином. Когда он наконец решает в пользу вторых, перед ним уже стоит следующий выбор: он должен решить, отдыхать ли ночью или продолжать погоню без остановок. Ни одно из этих решений, по внешней видимости, себя не оправдывает. Но и медлить с ними тоже не получается. “Поистине, все, что я ни делаю сегодня, обращается во зло!”, — восклицает Арагорн (т.П, с.16), и далее: “С тех пор, как мы прошли Аргонат, я совершаю ошибку за ошибкой” (т.П, с.31); “Да будет мой выбор верным, и да положит он конец несчастьям, которые нас сегодня преследуют!” (т.П, с.22). Вмешательство Эомера не слишком-то помогает Арагорну, все равно в конце гл.2 Арагорн и его друзья не в состоянии решить, кого они видели ночью — Сарумана или не Сарумана. По всей видимости, все-таки Сарумана (как нам сообщается позже, на с.136 т.П), но в следующий раз тот, кого они принимают за Сарумана, оказывается Гэндальфом. Кроме того, герои полагают, что ночное появление Сарумана спугнуло лошадей, одолженных у роханцев; на самом же деле это появление просто совпало с возвращением Скадуфакса — недаром Леголас

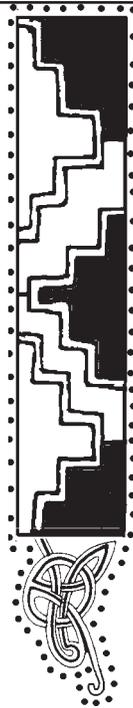
с удивлением замечает нотки радости в ржании лошадей, а сцена, в которой лошади в конце концов возвращаются, но уже в компании Скадуфакса, предлагает читателю “лошадиный” эквивалент неожиданному возвращению Гэндальфа. В одно и то же время по Фангорну блуждают Саруман, Гэндальф и Древобород; они то встречаются, то проходят друг мимо друга не замечая, и, по-видимому, все это происходит совершенно случайно. Это напоминает блуждания героев из “Сна в летнюю ночь”, где, в другом зачарованном лесу, бродят туда-сюда влюбленные пары, а Пак, Оберон, Титания, и заколдованный Основа скрещивают и запутывают их пути. “Колдовство”: вот слово, которое можно здесь использовать наравне со словом “наваждение” (“морок”). “Наваждение” — это блуждающий огонек, по-английски *“will o’ the wisp”*. Если за ним последовать, он заведет странника в болото или в зыбучие пески. Пока герои блуждают без дороги по книге 3-ей, Фродо, в параллель им, в гл.2 кн. 4-ой, вперяет взор в “мертвецкие свечки”, которые горят над призрачными телами воинов в Мертвых Болотах. Голлум предупреждает его, что ни на эти огоньки, ни на мертвые, тронутые тлением фантазмагорические лица покойников в глубине болот смотреть ни в коем случае нельзя. “Иначе хоббиты попадут прямехонько к Упокойникам и зажгут свои собственные маленькие свечечки. Следуйте за Смеаголом! Не оглядывайтесь на огни!”

Хотя этот совет исходит от Голлума, по существу он совершенно верен. Конечно, и Арагорн, и все остальные, включая Фродо, крепко ошибаются, думая, что запутались и ничего не значат: они “заколдованы”, они под властью “наваждения”, они тонут в болоте “голых” событий, поймались в душающие сети “*wyrd*”а. На первый взгляд, у них есть веские причины отчаяться.

Как замечает Гэндальф, все усилия Саурана, Сарумана и орков приводят только к тому, что “Мерри и Пиппин с невероятной скоростью перенесли в Фангорн, куда иначе им ни за что не попасть бы, — и успели как раз вовремя”. Таким образом, Мерри и Пиппин становятся причиной того, что энты поднялись против Сарумана (хотя Гэндальф об этом в тот момент еще не знает), а также причиной низвержения Сарумана, спасения Рохана и высвобождения армии Теодена; в результате Теоден получает возможность вмешаться в сражение у стен Минас Тирита и тем самым решить его исход. Остается, однако, кое-что, чего никак нельзя сказать вслух и даже подумать: например, что предательство Сарумана оказалось в конце концов, по совокупности всех своих последствий, Хорошим Поступком, или что спасение Минас Тирита было наградой Арагорну за его упорство и стойкость. Надо учитывать, что в конечном счете, если бы Саруман остался в лагере “хороших”, все могло бы кончиться еще лучше, а если бы Арагорн не преследовал орков, похитивших Мерри и Пиппина, хоббиты все равно попали бы в Фангорн и взбудоражили его. Абсолютно уверенным можно быть только в том, что отказ от действия и уныние помогают противнику, делая за него его же работу. Кроме того, уныние разрушает все возможные варианты будущего — и для самого унывающего, и для многих других. Как намекает Гэндальф в т.III, именно отчаяние Дэнетора принесло смерть Теодену. Хотя упорство и постоянство не дают никаких гарантий, они по крайней мере предоставляют удачу — “*luck*” — шанс и возможность действовать через неизвестных союзников или неизвестную друзьям слабину в стане врагов.

Как ни смотреть на это положение — пусть даже скептически или с заведомым предубеждением — в качестве “рабочей гипотезы” оно неуязвимо. “Переплетения” вносят в нее свой вклад, задавая особое, узнаваемое отношение к действительности, а именно — они как бы говорят нам: да, то, что происходит в мире, кажется на первый взгляд хаотичным и лишенным всякого плана, и, на первый взгляд, ошибки тут быть не может. Но это впечатление субъективно и основано на кругозоре одного наблюдателя, а этот кругозор ограничен. Если бы один человек мог видеть больше — а читатели “Властелина Колец” получают такую возможность благодаря повествовательной структуре текста — он согласился бы с тем, что Мир подобен персидскому ковру, а мы — муравьям, которые переползают от нитки к нитке и думают, что в расположении красок ковра нет никакого смысла и порядка. Вот почему любимое высказывание

Гэндальфа — “даже мудрые не могут провидеть всего”, и вот почему он сам так часто демонстрирует справедливость этого высказывания. Поэтому есть особая ирония в том, что он не раз и не два самым деловым тоном воздает хвалу младшим хоббитам и подчеркивает их полезность для общего дела. “Если бы эти хоббиты ясно видели, какие их ждут опасности, они бы из дому побоялись высунуться!” Но это не значит, подчеркивает он, что они *расхотели* бы идти, и в итоге чашку весов перетягивает желание сопровождать Фродо, а не неведение о грядущих ужасах. Позже Гэндальф говорит Пиппину: “Холодный рассудок щедрому сердцу не указ”. В итоге он оказывается одновременно и прав, и не прав: Мерри и Пиппин одни без посторонней помощи “поднимают” энтов на восстание, спасают Фарамира и убивают Кольцепризрака (правда, Пиппин делает это один, без помощи Мерри, но сути дела это не меняет). Последнее происходит благодаря чистой случайности, во многом благодаря тому, что раньше Пиппин нашел в Курганах клинок, на котором “начертаны были заклęcia, несущие гибель слугам Мордора”. “Такой судьбой своего детища оружейник, что в давние времена долго и терпеливо трудился над этим кинжалом, мог бы гордиться”, — комментирует рассказчик. Из этого следует, что древний кузнец НЕ узнал об этом и НЕ обрадовался, потому что был осужден на поражение, смерть и забвение во тьме курганов. Однако даже через много тысяч лет надежды терять нельзя; нельзя, впрочем, и чрезмерно полагаться на нее.

Именно Пиппин, опять-таки, заглядывает в *палантир* и наводит Саурона на ложный след, так что тот некоторое время думает, что Кольцо, возможно, у Сарумана. В кн.5-ой на с.114, Гэндальф говорит, что это, возможно, заставило Врага нанести удар раньше, чем он намеревался. Еще более важно, что Арагорн получил доступ к Камню, и Саурон (которому только что в том же самом *палантире* явился хоббит) начинает думать, что Арагорн *завладел Кольцом*; именно потому, что Арагорн показал себя Саурону в *палантире*, Саурон пренебрегает охраной границ своего государства.

Ирония в том, что Глаз не замечает именно того, что для него действительно важно. На самом деле сверкающий меч и царственный лик, явленные Саурону в *палантире* и так его встревожившие, не играют решающей роли. Расклад сил призваны изменить два муравья, которое ползут по склонам Эфел Дуата. В связи с линией Фродо и Сэма *entrelacement* производит, возможно, самый сильный эффект. Фродо и Сэм блуждают во власти наваждения, сбиты с толку, чувствуют себя затерянными в пустыне, покинутыми; это чувство покинутости и неуверенности у них гораздо сильнее, чем у Арагорна, Гимли и кого бы то ни было из персонажей, участвующих в более насыщенном событиями действии, которое составляет содержание третьей и пятой частей. “Что я ни сделаю, все насмарку”, — говорит Фродо на первых же страницах четвертой части, в которой он начинает свой поход. Но его слова почти в точности вторят словам Арагорна, сказанным почти двумя сотнями страниц выше, а мы уже знаем, что Арагорн ошибался. Важно, что Фродо не опускает рук и не отказывается от выбора (каждый раз нового), который перед ним стоит. Мы понимаем его сомнения и усталость как естественную реакцию на обстоятельства, но одновременно и как искушение, более того — иллюзию, галлюцинацию, насланную Черной башней. Мы осознаем, что зло действует, истощая волю и создавая иллюзию чрезмерной сложности предпринятого дела. Как и “тьма”, “зло” в книге — это внешняя сила, которая способна производить некоторые действия в окружающем мире, и наиболее тонко организованные персонажи, как, например, Леголас, могут это почувствовать.

По “Властелину Колец” действительно разбросано немало пословиц и поговорок, которые

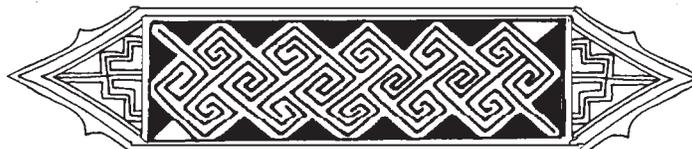

придают дополнительный вес эффектам техники *entrelacement*. “Непрошенный гость часто — лучший товарищ”, — говорит Эомер, и еще, позже: “Дважды благословенна надежда, которой не ждал”. “Где властна воля, там путь к победе”, — говорит его сестра. Это звучит более торжественно, но вместе с тем и привычнее (34). “Надежда часто рождается в минуту отчаяния”, — говорит Леголас. Он, Арагорн и Теоден то и дело варьируют тему “Утро вечера мудренее”.

Надо отметить, что большинство этих поговорок нельзя назвать ни “оптимистическими”, ни “пессимистическими” — в основном они нейтральны, а некоторые и просто не имеют почти никакого конкретного смысла. “Странные подарки иногда преподносит судьба”, — говорит Гэндальф. Хорошо это или плохо, вне контекста понять невозможно. “Надежда часто обманывает”, — говорит Эомер (это столь же справедливо, сколь и бессодержательно, поскольку ничего конкретно о будущем не говорит). Но большинство из процитированных пословиц существуют и в реальном мире, как и многие засельские названия: зачастую это названия реально существующих мест, и функцию они выполняют такую же — втянуть нас внутрь книги, установить связь между реальным и внутритекстовым опытом. Однако эти пословицы разбавлены другими, очень похожими, но более оригинальными, более близкими собственно толкиновским идеям. “Ненависть часто жалит сама себя”, — говорит Гэндальф. “Злая воля ршшит себя сама”, — это слова Теодена. “Поспешный удар часто попадает мимо цели”, — Арагорн. “Иногда предатель предает сам себя”, — это опять Гэндальф. Чтобы эти пословицы звучали правдоподобно, нужно хорошо знать содержание “Властелина Колец”, поскольку “нормальная”, традиционная народная мудрость частенько прямо противоположна этим вымышленным пословицам (например, существует такая английская пословица: “Бог помогает тому, у кого большая армия”). Эти искусственные пословицы в миниатюре являют ту самую “нарочитость”, в которой так часто уличали автора трилогии. Однако только глупец будет отрицать, что “нарочитость” тоже не лишена смысла, и только самый беззаботный читатель решит, что *entrelacements* в этом романе введены просто для разнообразия и ничего не имеют сказать о “фундаментальной природе реальности”.

Просто аппевория и ситволкизи в широкот стыстие слова

Толкин, как правило, склонен придавать пословицам, которые он вводит в свою прозу, архаическое звучание. То же самое можно сказать о пророчествах. Знамения и пророчества для “Властелина Колец” вообще очень характерны. Кто-нибудь может подумать, что обилие знамений и пророчеств в толкиновском мире отрицает идею свободной воли, сковывает и искажает свободу вмешательством провиденциальных сил. Галадриэль, по-видимому, заранее знает, что Арагорн отправится на Тропу Умерших. Арагорн знает, что ему предстоит еще раз встретиться с Эомером, “хотя бы все армии Мордора встали между ними”. *Некто* (или *некто*) заведомо знает, что Кольцепризраку не суждено пасть “от руки мужа”. Эти искры, вспыхивающие на пересечениях временных пластов, указывают, возможно, что какие-то события должны случиться в любом случае, независимо от того, как герои поступают и какие выборы они делают. Однако совершенно ясно, что это заключение было бы неправильным. В конце концов, пророчества могут исполниться по-разному. Мы всегда вольны предположить, что Арагорн и Эомер могли бы встретиться не в бою, а в плену, что с большой вероятностью и случилось бы, если бы, скажем,

Серая Дружина дрогнула и свернула со своего пути. Не ткни Мерри в Кольцепризрака кинжалом, Призрак мог бы погибнуть много эонов спустя от руки какой-нибудь другой женщины, хоббита или эльфийского героя. Как говорит Галадриэль о своем Зеркале (“Властелин Колец”, т. I, с. 533): “Зеркало показывает многое, в том числе и такое, чего еще нет. Нет, а может, и не будет никогда — разве что тот, кто увидел это в зеркале, оставит свой настоящий путь и помчится предотвращать да исправлять”. Она еще раз облекает в слова теорию компромисса между судьбой и свободной волей, существующую уже по крайней мере тысячу лет: так, в поэме “Соломон и Сатурн” Сатурн спрашивает Соломона, что сильнее — *wyrd de warnung*, “предреченные события или предвидение”? — И Соломон отвечает: “Судьбу изменить трудно... Но тем не менее разумный человек может управлять событиями, которые предначертаны судьбой, если только разум у него чист”. Важно, однако, отдавать себе отчет в том, что, какими бы антикварными ни выглядели зачастую мотивы, которыми руководствовался Толкин(35), и сколь бы “до-научными” ни казались нам взгляды Галадриэли и Соломона, — то, что писал о них Толкин, до сих пор в некотором смысле остается животрепещущей проблемой. Английская поговорка “У каждой пули есть своя цель” (“*Every bullet has a billet*”) — изречение новое и впервые в современной форме зафиксировано в 1765г.; оно в ходу и по сей день, и смысл его в том, что иногда никакая осторожность не поможет. Тем не менее эта пословица, как бы в нее ни верили, еще никого, наверное, не заставила покинуть укрытие при обстреле. Выше мы уже вспоминали другую поговорку — “На Бога надейся, а сам не плошай”. Другими словами, Толкин никогда не терял веры в реальность и внутреннюю последовательность не только языка и истории, но также человеческой природы и некоторых интеллектуальных проблем.

Размышляя над разжигающим немало страстей вопросом аллегоричности, или символизма “Властелина Колец”, об этом необходимо помнить. Хорошо известно, что в предисловии ко второму изданию Толкин писал: “Я искренне недолюбливаю аллегорию во всех ее проявлениях, и всегда ее недолюбливал, с тех самых пор, как сделался достаточно взрослым и осторожным, чтобы вовремя распознавать ее”. Дальше, однако, идут такие слова: “Я предпочитаю историю, все равно, истинную или вымышленную, с ее разнообразной применимостью к мыслям и опыту читателей. Я думаю, что многие путают аллегорию с “применимостью”. Но “применимость” оставляет читателю свободу толкования, а аллегория предаёт его во власть авторского умысла”. И так, между литературой и фактами реальной жизни все же не исключена некоторая связь, и глава “Беспорядки в Заселье”(36) все же в некотором смысле “базируется на опыте”, хотя и не имеет “никакой связи с современными политическими событиями”, даже если и напоминает англичанам о скудной эпохе 1945-1950гг., когда у власти в Британии было социалистическое правительство. Как писал Толкин о “Беовульфе”, в художественном произведении важно сохранить равновесие и проследить за тем, чтобы “крупный символизм плавал близко к поверхности, но не высовывался наружу и не превращался в аллегорию”. В конце концов, допустить, что “Властелин Колец” — аллегория, по Толкину, означало бы (см. сс.40-44 выше), что у этой книги есть только одно значение, которое остается неизменным на всем ее протяжении. В предисловии ко второму изданию Толкин презрительно играет с понятием аллегории, показывая, как выглядел бы “Властелин Колец”, если бы он был *настоящей* аллгорией, а Кольцо действительно означало бы атомную бомбу президента Трумэна(37).

Кое-что из того, на что намекал Толкин, мы уже рассмотрели выше. Ни роханские Всадники, ни гондорские Обходчики(38) никогда не стали бы оправдываться тем, что они-де “просто подчинялись приказу”; здесь никак не избежать сравнения с нацистами, именно “исполнявшими приказ”. Когда Гэндальф рассказывает Фродо о Кольце, Фродо откликается: “Лучше бы это случилось не в мое время!”, но Гэндальф его тут же упрекает: “Согласен; все, кому доводится жить в такие эпохи, повторяют эти слова как заклинание. Но решать не им.” (“Властелин Колец”, т. I, с.90). Фродо заслуживает этот упрек, но его заслуживает также и Невилль Чемберлен с его

печально известным ныне заявлением — “Я принес своему поколению мир”.

Элронд более умудрен опытом. Он помнит время, когда “...эльфы надеялись, что злу положен конец, но ошиблись” (“Властелин Колец”, т. I, с. 364). Толкин и сам сражался в “войне, которая должна была положить конец всем войнам”, и тем не менее ему пришлось увидеть своих сыновей на фронтах другой войны, пришедшей следом. Нетрудно найти в тексте и другие нотки авторской иронии. Когда Гэндальф с Пиппином приезжают в Минас Тирит после долгого пути через Анориэн, путь им преграждают люди, строящие стену (“Властелин Колец”, т. III, с. 17). Настойчивость Дэнетора, который хочет, чтобы эту стену непременно обороняли до последнего (“Властелин Колец”, т. III, с. 115), едва не стоит жизни Фарамиру, и в конце концов приводит только к одному результату — стена становится препятствием для Рохиримов (“Властелин Колец”, т. III, с. 145), хотя, вопреки всей той работе, которая была затрачена на ее восстановление вначале, ко времени их прибытия от нее уже остаются одни руины. Людям толкиновского поколения едва ли могла не придти на память злополучная “линия Мажино”. Совет Гэндальфа — “Оставьте мастерки! Точите ваши мечи!” более чем современен. Здесь нельзя не увидеть намека на вишизм и коллаборационизм, марионеточные правительства и демилитаризованные зоны, — таких намеков по книге разбросано немало. Однако складываются ли эти намеки в единое целое? Пошел ли Толкин дальше преднамеренного использования для намека на современность отдельных сцен, манипулирует ли он сюжетом, создает ли узнаваемые символические характеры? Иными словами, превратил ли он свой роман в то, что так хотелось видеть в нем обозревателю “Литературного приложения к Таймс”, — в “недвусмысленное сообщение, адресованное современному миру”? Разумеется, Толкин только высмеял бы словечко “сообщение”, равно как и словечко “современный”. Тем не менее, во “Властелине Колец” есть два персонажа, образы которых исполнены особого смысла именно по отношению к современности. Оба эти персонажа изначально были на стороне “добра”, однако злу удалось соблазнить их или испортить, и поэтому для них особенно легко найти аналогии в современном мире. Это Дэнетор и Саруман. Оба из них поданы автором под слегка сатирическим, почти политическим углом зрения.

Более очевиден пример Сарумана. Этот персонаж обнаруживает немало черт, которые позволяют считать его воплощением индустриализма, или технологизма. Само его имя означает нечто в этом роде. Древнеанглийское *searu* (западносаксонская форма мерсианского **saru*) означает “приспособление, ухищрение, искусство”. Словарь Босуорта-Толлера осторожно замечает, что не всегда можно сказать с уверенностью, “означает ли это слово нечто хорошее или, наоборот, нечто плохое”. Когда Беовульф вступает во дворец Хротгара, поэт с одобрением отзывается о кольчуге рыцаря, говоря: “броня сияла на нем, хитроумносплетенная сеть (*searonet*), сшитая с помощью искусства (*orþancum*) кузнеца” (в пер. В. Тихомирова: “В кольчуге, звенящей/железными кольцами./прочными звеньями...” — М.К.). Ювелиры были *searo-croeftig*, а волшебники — *snottor searþancum*, “мудры в хитроумных мыслях”. Однако слово *searu* простирается в своем значении от “мудрости” до “заговора” и “предательства”. Беовульф отрицает, что он когда-либо искал *searo-nipas* — “ухищрений коварной злобы”. Рукавица Гренделя “*searo-bendum foest*”, “скреплена хитроумными ремнями”. Это слово обязательно обозначает нечто хитроумное, и почти всегда как-то связано с металлом: когда речь идет о доспехах или фибулах — с железом, в других случаях — с золотом и серебром. Сокровище дракона именуется “*searu-gimma geproec*”, “гора хитроумных камней”. В стихотворении “*Riming Poem*”(39) есть одна туманная строчка со словами “*sinc searwade*” — “сокровище предало своего хозяина”. Босуорт и Толлер полагают, что эта фраза означает “покинуло своего хозяина”. Однако для Толкина, имевшего свое мнение по поводу того, что такое “драконьи чары”, эта фраза означала скорее, что сокровище, может быть, и не покинуло своего владельца, но постепенно сделало его жадным и хитрым. Эти оттенки значения, взятые все вместе, и формируют

характер Сарумана. Он весьма учен, однако его ученость носит скорее прикладной характер. Фангорн говорит о нем: “На уме у него только и есть, что железки да колеса”, или, буквально, — “Его ум состоит из железа и колес”. В Хельмской Теснине сарумановы орки применяют что-то вроде пороха (“Властелин Колец”, т. II, с. 191). Тридцатью страницами позже, в Исенгарде, или “Железном городе”, энты сталкиваются с чем-то вроде напалма, — наверное, лучше сказать, с чем-то вроде *огнемета*, немецкого “*Flammenwerfer*’а”, если учитывать собственный опыт автора. Из этого следует, что Саруман, начав с этически нейтральных исследований, постепенно пришел к бездумному загрязнению “окружающей среды” и полюбил грязь ради нее самой, что мы наблюдаем в главе “Беспорядки в Заселье”. Все это произошло потому, что в любви к машинам или уже в самом желании обрести власть над природой есть что-то развращающее. Интересно также, что сарумановы орколюди называют своего вождя “Шарки”³ — в переводе с орочьего языка “Старик”. Специалисту по средневековой это имя обязательно напомнит “Старика из Горы”, предводителя ордена ассасинов, описанного в “Путешествиях” Мандевиля. Здесь “Старик” — это попросту неточный перевод арабского “*sheïx*” (ср. с оркским “шарку”!). Мандевиллевский Старик безраздельно господствовал над своими подчиненными, — разумеется, с помощью *гаишиша*, — внушая им мечты о потустороннем раю. “Хитроумный человек”, “машинный человек”, “технологический человек” помахивает у нас перед носом утопической морковкой, соблазняя нас мечтой о мире, полном досуга и удобств, мире, в котором каждая новая мельница мелет зерно быстрее предыдущей. Но, как следовало бы догадаться Тэду Сэндиману, “если нет зерна, то из чего муку-то молоть? А зерна больше не стало — сколько на старую мельницу возили, столько будут и на новую возить”. Владельцы машин превращаются в персонал, который обслуживает эти машины, ничего за это не получая, а только еще больше заражаясь азартом захвата все новых и новых областей жизни.

Может быть, это и нельзя считать свехубедительной критикой современного общества, но в этом слышится прямая отсылка к современности и нечто большее, нежели просто антипатия. Многозначителен и достойный упоминания “голос” Сарумана, который всегда звучит “мудро и неоспоримо” и порождает в слушателях желание “согласиться не раздумывая, чтобы самим показаться столь же мудрыми”. В резкости Гэндальфа слышится отказ от Утопии и утверждение, что ничто не дается даром. В этом споре находится место даже для “Прыща” Лотто, родственника Фродо, который так напоминает Градгринда(40) — он жаден, любит командовать, но все же держится в рамках закона, пока не приходят к власти те, кто им манипулирует; добившись же власти, они сажают за решетку мать Лотто, убивают его и в придачу еще и съедают (если верить намекам Сарумана в отношении Гримы Червеуста). Джереми Бентам и викторианские капиталисты(41)? Старый большевик и сталинисты? Эта пропорция достаточно хорошо известна и добавляет Средьземелью еще одно современное — или скорее вневременное -- измерение, поскольку, хотя в наше время мы можем без труда подыскать для образа Сарумана “применение”, и та очевидная неуверенность, с которой относились к технической, “машинной” сметке и вообще к разного рода “махинациям” еще во времена англосаксов, показывает, что этот оттенок смысла существовал уже в древности.

Однако в характере Сарумана есть одна исключительно современная черта, которая заставляет подумать о социализме. Люди Сарумана *говорят*, будто собирают у населения продукты “для последующего справедливого распределения”, хотя никто в это “справедливое распределение” не верит; для Средьземелья,

где порок редко озабочивается тем, чтобы придать себе видимость добродетели, этот компромисс зла с заботой о нравственной благовидности очень необычен. Соответственно, бросается в глаза, что Дэнетор, на этот раз сравниваемый с Саруманом, архиконсервативен. В одной из последних, если не самой последней из своих речей, он заявляет:

“Пусть все останется как в мои дни и во дни моих предков!.. Но если рок лишает меня этого — я выбираю н и ч т о: мне не надо ни полу-жизни, ни полу-достоинства, ни полу-чести” (“Властелин Колец”, т. III, с. 171).

“Я выбираю *ничто*” — эти слова звучат особенно зловеще. Ко времени окончательного созревания “Властелина Колец” у политических лидеров впервые появилась возможность не только заявить, что они “выбирают ничто”, но и *осуществить свой выбор*. Ясно, что Дэнетор, не в пример Саруману, никогда не подчинился бы врагу. Зато, оказывается, он совершенно не заботится о своих подданных, и даже отцовская любовь выражается в желании, чтобы оба сына погибли вместе с ним. “Запад пал, — говорит он. — Все возгорится и исчезнет в едином пожаре. Пепел! Все станет пеплом и развеется по ветру вместе с дымом!..”. Он не говорит “в ядерном пожаре”, но эта ассоциация напрашивается сама собой. Дэнетор сам преломляет жезл, который символизирует его власть; Саруман этого не делает. Можно сказать, что в образе Дэнетора смешиваются избыток героического темперамента, который Толкин, допуская многозначительный анахронизм, дважды называет “языческим”(42), и мелочная забота о своем единовластии и границах своей власти: комбинация, которая, что для Толкина необычно, до 1945 года и изобретения “великой сдерживающей силы” в виде атомной бомбы вообще не имела никакого значения; больше в книге таких сочетаний не встречается.

Пытаться извлечь из этих разнообразных “применимостей” “внутренний смысл” толкиновской прозы — дело рискованное. Сам Толкин настаивал на том, что он в свой труд никакого подспудного смысла не вкладывал, и критику нет никакой необходимости стараться во что бы ни стало такой смысл отыскать, поскольку никакие политические “сообщения” не могут ничего добавить к образу Тома Бомбадила, или энтов, или Всадников Рохана, или к *entrelacements*, как и почти ко всему, что обсуждалось в этой главе, да и в других главах. Главное в том, что толкиновские теории о природе, эле, удаче и нашем восприятии мира порождают, в качестве побочного продукта, современные или, говоря более узко, политические “применимости”. Привязанность Толкина к “теории мужества” привела его к убеждению в том, что Запад его времени испытывал недостаток не в уме и не в силе, но в воле. Начитанность Толкина в героических поэмах заставляла его с особенным сарказмом относиться к попыткам приравнять фразу “со злом нужно сражаться” к поговорке “где сила, там и правда”(43). Он считал, что, забыв свою раннюю литературу, Англия погрузилась в добровольный самообман. Разумеется, все эти “морали” и “подспудные смыслы” сами по себе можно в тексте и усматривать, и не усматривать. Отрицать нельзя одного: богатство потенциальных “смыслов” имеет своим источником многоопытность автора и яркую оригинальность его мышления, более того — все эти смыслы увязаны с повествованием, которое существует независимо от них и держит читателя в своей собственной власти. Толкин писал не диссертацию. Изрядная часть того, что у него получилось, может быть заклеено как отрицание “либерального взгляда на историю”, да и всей “либеральной гуманистической традиции” в литературе(44). И тем не менее, центром повествования остается Кольцо и идея о том, что “власть развращает”, — идея неоспоримо

современная, демократическая, антигероическая, хотя и не враждебная “героизму” как таковому

Эпикастрофа, реализм и романтика

К этому времени уже, наверное, всем читателям ясно, что, если существует в природе критическое замечание в адрес “Властелина Колец”, неверное от начала и до конца, то это то самое замечание, которое мы процитировали в начале этой главы. Оно гласит, что “Властелин Колец” не был-де “вылеплен при помощи некоего “единого руководящего мировоззрения, которое являлось бы в то же время *raison d’etre* всей книги”. “Руководящее мировоззрение”, отсутствием которого так обеспокоен критик, на самом деле в трилогии Толкина, конечно же, есть — оно сконцентрировано в образе Кольца, в сценах конфликта и искушения, в словах персонажей и в их взгляде на мир, в поговорках, пророчествах и в самом способе повествования. Естественно, это конкретное “понимание реальности” можно оспаривать или отрицать; а какое нельзя? Однако вообще его не заметить значит продемонстрировать попросту удивительную (и поэтому вызывающую даже некоторый интерес) слепоту. Сравнение с нею выдерживает только настойчивость анонимного обозревателя “Литературного приложения к `Таймс`”, который утверждал, что во “Властелине Колец” добрые и злые только и делают, что убивают друг друга, так что их и отличить друг от друга невозможно: “С нравственной точки зрения они неотличимы”(45). Различие лежит, между тем, в самом сердце сюжета. Как заметил У.Х.Оден в своем очерке для “Нью-Йоркского книжного обозрения” (22 января 1956г.), для понимания взаимоотношений Добра и Зла во “Властелине Колец” очень важно то, что Саурон принимает решение оставить Трещины Судьбы без охраны, полагая, что Арагорн, раз уж он дерзнул бросить ему вызов(46), возьмет Кольцо себе. И вот почему это так важно:

“У Зла есть все преимущества, кроме одного: оно беднее воображением. Добро может представить себе перспективу превратиться в зло. Именно поэтому и Гэндальф, и Арагорн категорически отказываются взять Кольцо себе. Но сознательное Зло уже не способно вообразить ничего, кроме самого себя.”

Пройти мимо этого и других подобных свидетельств в пользу глубокой разницы между Злом и Добром, как они представлены у Толкина (а в тексте трилогии встречаются и еще более очевидные свидетельства) в некотором смысле даже стыдно. Эту неизбывную слепоту критиков можно объяснить только их глубочайшей антипатией по отношению к волшебной сказке как таковой, предубеждением против условностей этого жанра вообще.

Одна из главных таких условностей — это, должно быть, счастливый конец (которым герои чаще всего бывают обязаны совпадению (“*hap*”), случаю или удаче). Конечно, Толкин, как христианином, твердо и серьезно верил в то, что в конце концов вообще все кончится хорошо, причем в некотором смысле “счастливый конец” человеческой истории уже наступил(47); эту веру он разделял с Данте и в дискуссии по этому поводу не вступал. Необходимо, однако, сказать, что он был способен заметить другую точку зрения и даже включить ее в свою прозу. Уничтожив Кольцо, Фродо и Сэм, затерянные посреди гибнущего Черного Государства, спорят:

“Видите ли, мы слишком далеко забрались, чтобы я согласился так просто сдаться. Это не в моих правилах — если, конечно, Вы меня понимаете!

— Ты, может, и не желаешь сдаваться, но таков сей мир, Сэм, — возразил Фродо. — Надежды терпят крушение. Всему когда-нибудь приходит конец. Теперь нам уже недолго ждать. Все гибнет и рушится, мы одни, бежать некуда” (“Властелин Колец”, т. III, с. 311).

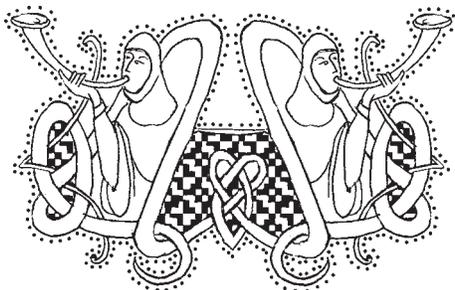
Он так и остается при своем убеждении по поводу “сего мира”, — ему приходится переменить мнение только после того, как орлы переносят его, бессознательного, в новый мир, который Сэм и представший перед ним воскресший Гэндальф воспринимают как рай (что недалеко от истины). Можно было бы сказать, что разница между нашей Землей и Средьземельем в том, что в Средьземелье вера иногда, пусть не часто, может быть логически выведена из обычных фактов. Это огромная разница, — но все же не такая, как между ребенком и взрослым.

Конечно, во “Властелине Колец” все же *присутствует* элемент “исполнения авторских желаний”. Толкину хотелось бы самому услышать, как трубят рога роханцев, и увидеть, как его собственная страна освобождается от Черного Поветрия инертности. Я сказал бы, что в некотором смысле “Властелин Колец” содержит в себе свой собственный образ: это — горн, который Эомер дарит хоббиту Мерри. Это совсем маленький горн, однако взят он был не откуда-нибудь, а из сокровищницы дракона Скаты, и на Север его привез не кто-нибудь, а сам Эорл Юный. Это волшебный горн, хотя волшебство, которое в нем сокрыто, довольно скромное: “Кто приложит этот рог к губам в час опасности, тот исполнит сердца врагов страхом, а друзья возрадуются, воспрянут и поспешат на помощь”. В Заселье голос этого горна, когда в него трубит Мерри, знаменует начало революции против лени, убожества и Сарумана-”Шарки”. Без сомнения, Толкин и сам был бы рад протрубить в такой горн. И он подошел к этой цели ближе, чем многие другие, — по крайней мере, “возрадовались” при чтении его книги очень многие. В то же время Толкин не оставляет никаких иллюзий относительно того, сколь недолговечна в Заселье память о подвиге Фродо: она постепенно соскальзывает в те же самые сон, пренебрежение и забвение, которые ожидают энтов, эльфов, гномов и все Средьземелье. Это доказывает, что Толкин осознавал границы своих желаний и их несоответствие реальности. А последнее слово по поводу отношений между жанром “Властелина Колец” и “реализмом” можно предоставить профессору Фрэнку Кермоуду, который пишет:

“Повесть о небывших событиях (*romance*”, роман) можно определить так: это средство изобразить действие законов магии и морали на примере человеческой жизни, усредненной до полной незаметности. Делается это ради того, чтобы сконцентрировать внимание читателя на этих законах и на том, что в реальности их действие можно наблюдать лишь изредка и опосредованно”.

Правда, профессор Кермоуд говорит это по поводу “Бури” Шекспира(48). И Просперо, и Гэндальф — старцы с посохами в руке. Но Просперо шутя справляется со всем, что ему противостоит, а Гэндальфу о такой легкости приходится только мечтать(49).

Притечения к главе 5.

(1) Эти мнения почерпнуты из: 1) анонимного обзора, помещенного в “Литературном приложении к `Таймс`” (25 ноября 1955г.); 2) из книги К.н.Манлава “Современная фантастика” 6 с. 183; 3) из анонимного обзора, помещенного в журнале “Панч” (16 ноября 1966 г.); 4) обзора Марка Робертса из сборника “Критические эссе”, vol.1 (1956), p.459. Но этот список при желании можно без труда расширить. — Т.Ш.

(2) Джон Эмерих Эдвард Эктон (1834-1902) — английский историк, политолог и экономист. Пользовался доверием премьер-министра Гладстона. Написал, в частности, “Историю ватиканских соборов”.

(3) См. Louis Creighton, *The Life and Letters of Mandell Creighton* (2 vols., London: Longmans Green&Co., 1904), vol.1, p.372. — Т.Ш.

(4) Уильям Питт (1708-1778) — лидер партии вигов, премьер-министр Великобритании в 1766-1768гг.

(5) Эта пословица содержится под номером 14 в кн. *The Durham Proverbs*, ed. O.S.Arngrat (Lund: Lunds Universitets Årsskrift, 1956), vol.52, no.2. — Т.Ш.

(6) Наиболее отчетливо эти обвинения высказаны в “Современной фантастике” К.Н.Манлава, сс.173-84 — в книге, которую я нахожу не особенно умной и практически лишённую мыслей, но безусловно написанной с большой энергией. — Т.Ш.

(7) Согласно с этим и святые отцы и учителя православной церкви, например, Дионисий Ареопагит: “Зло не есть какая-либо сущность, имеющая действительное бытие, подобно другим существам, созданным Богом, а есть только уклонение существ от естественного своего состояния, в которое поставил их творец, в состоянии противоположное. Поэтому не Бог есть виновник зла, но оно происходит от самих существ, уклоняющихся от своего естественного состояния и предназначения” (цит. по книге: Протоиерей Валентин Свендицкий, “Диалоги”, с.46, Киев, 1994, “Богдана”).

(8) “Инклинги” — самоназвание неофициального кружка литераторов, языковедов и мыслителей, существовавшего в тридцатые годы в Оксфорде. Кружок сформировался вокруг трех его постоянных членов — Толкина, Льюиса (см....) и Чарльза Вильямса (см....). По определению Толкина, это был “неопределенный и неизбранный круг друзей, который собирался вокруг Льюиса и встречался в его комнатах в колледже... Обычно мы читали дру другу вслух сочинения разного рода (и длины...)” Инклингов объединял пафос защиты разума, христианская направленность, заинтересованность проблемой мифа, признание его ценности. Инклинги ощущали себя в конфликте с “духом современности” и надеялись повлиять на развитие идей в лучшую сторону (что им, без сомнения, отчасти удалось!). Один из членов кружка, Оуэн Барфилд, писал, что в темах, которые обсуждались на встречах Инклингов, можно было выделить четыре основных направления — стремление к бесконечному и недостижимому, убежденность в высоком достоинстве человека и понимание прогресса как движения к достижению божественного в человеке, идеализация любви между мужчиной и женщиной, вера в “счастливый конец” — “эвкатастрофу” (см. прим.... к гл. ...).

Название объединяет в себе две аллюзии — “чернила” (англ. *ink*) и “наклонности” (*inklinations*).

(9) “Христианство согласно с дуализмом, что Вселенная в состоянии войны. Но оно не считает, что это — война между зависимыми силами” (К.С.Льюис. “Любовь. Страдание. Надежда”. Москва, “Республика”, 1992, пер. Н.Трауберг, О.Шапошниковой, И.Черевойтой, с.235)

(10) Альфред Великий (849-899) — король западных англосаксов. ослался в истории как исключительно выдающаяся личность. Он успешно сопротивлялся набегам викингов и в конце концов одержал над ними победу. был так искусен в соколиной и обычной охоте, что учил собственных егерей и сокольничьих. Собирал англосаксонские стихи и песни. Славился гостеприимством и поощрял путешественников в дальние страны. основал школу для вельмож (в которой учился и его собственный сын). Привлекал ко двору ученых из других британских королевств и других стран. Один из таких ученых — валлиец Ассер — стал его жизнеописателем. Инициировал создание первой “Англосаксонской хроники”. Знал латынь, переводил с нее те книги, которые считал наиболее важными, нанимал переводчиков и руководил ими в то время, когда в других странах образованность до этого еще не дошла. Выпустил свод законов, взяв лучшее из того, что существовало прежде, и добавив от себя некоторые гуманные новшества, которые, например, ставили преграду для кровной мести и т.п. законы Альфреда были впоследствии усвоены и другими королевствами Британии. Для того, чтобы лучше организовывать свой день, изобрел для себя часы, которые представляли собой заключенную в недоступный сквознякам прозрачный ящик свечу с делениями. Альфред производил на современников такое впечатление, что со временем под его власть перешли некоторые валлийские князья. Внук Альфреда Этельстан стал королем всей Англии. Об Альфреде сохранилась память как о короле добром, человечном и чуждом гордыне. Некоторые источники полагают, что именно при нем и по его повелению была создана Уффингтонская Белая Лошадь.

(11) Навье — устаревшее “покойник, призрак умершего, умерший, вообще существо, связанное со смертью”. У Толкина *Ваггов-вигтс*, “призраки курганов”. К этим призракам попадают в плен хоббиты по дороге в Ривенделл. В переводе Кистяковского и Муравьева — “умертвия”.

(12) Следует заметить, что даже Кольцепризраки не были злыми изначально, хотя в итоге подчинились злу абсолютно. И использованное в т. II на с. ... слово “*haggard*” (...) показывает, как это произошло. Поначалу это слово использовалось как существительное и обозначало сокола when fully fledged; позже оно стало обозначать “дикий, не прирученный” и изменялось, как правило, по отношению к взгляду, а еще позже стало обозначать “болезненный эффект, производимый лишениями, усталостью, желанием отдыха, беспокойством, ужасом или тревогой”. На этой стадии слово попало в поле притяжения слова “*hag*” — так в старину назывались ведьмы; подразумевались при этом также худоба и изможденность. Кольцепризраки лишены плоти, они “выцвели” под действием “наркотической зависимости” и тоски по Кольцу, в плену у Саурона. Они тоже “ведьмаки” — жертвы зла одновременно внутреннего и внешнего. Их предводитель “*helmed and crowned with fear*”, или, другими словами, на нем надет *oegishjalmr* или “шлем страха”, которым обладал также дракон Фафнир; по мнению некоторых, драконы — тоже всего лишь несчастные существа, превращенные в чудовищ силой собственной злобы; см. с. 81, выше.

(13) В “Сильмариллионе” *Майяр/ы/* — “ангельский чин” (если условно пользоваться здесь именно словом “ангелы”, хотя, конечно, толкиновские *Айнур/ы/*, *Валар/ы/* и *Майяр/ы/* очень отличаются от “традиционных” ангелов) иерархически располагающийся ступенью ниже *Валар/ов/*.

(14) Эдмунд Фуллер говорит, что Толкин рассказал ему об этом в разговоре, который имел место в июне 1962, см. статью “Властелин хоббитов (The Lord of the Hobbits”: J.R.R. Tolkien”, в кн. *Tolkien and the Critics*, ed. Neil D. Isaacs and Rose A. Zimbardo, p. 35. — Т. III.

(15) Т. II, с. 142.

(16) *King Alfred's Old English Version of Boethius*, ed. W.J.Sedgefield (Oxford: Clarendon Press, 1899), p.128. — Т.Ш.

(17) В пер. В.Тихомирова:
“Судьба от смерти
того спасает,
кто сам бесстрашен”
(ЗЭ, с.31, стихи 575-6).

(18) Греч. “душа”.

(19) В Содружество Кольца входили: хоббиты Фродо, Сэм, Мерри, Пиппин; люди — Арагорн и Боромир; эльф Леголас, гном Гимли и волшебник Гэндальф. Из этих девяти погиб только Боромир, Мерри и Пиппин чудом избежали гибели (впрочем, как и главные герои — Фродо с Сэмом), а Гэндальф чудесным образом возвратился к жизни.

(20) Гама — привратник короля роханцев Теодена, гибнет в сражении в Хельмской Крепости. Хэлбарад — Следопыт, товарищ Арагорна, гибнет в битве за Минас Тирит.

(21) “Чтоб ему лопнуть, этому Эдвину Муиру с его запоздалым детством, — писал по этому поводу Толкин. — Он достаточно взрослый, чтобы разбираться в этих делах получше”.

(22) Правительство Виши (Виши — название города, где располагалось это правительство) — марионеточное правительство Франции во время немецкой оккупации (1941-1944). За легитимацию этого правительства французов агитировал, в частности, авторитетнейший маршал Петэн, герой I Мировой войны, прибегая к демагогическим декларациям под лозунгами Национальной революции, и апеллируя ко всем понятным, но лишённым в устах политика какого-либо смысла, как “Труд, Семья, Отечество”.

(23) Матф. 6:34. В церковнославянском (используемом во время православных богослужений) варианте эти евангельские строки звучат так: “...И довлеет дневи злоба его”.

(24) В “Сильмариллионе” Тангородрим — высокая гора над крепостью мятежного Вала/ра/Мелкора-Моргота Ангбанд. По сути, это был террикон, воздвигшийся из шлака над шахтами и рудниками Моргота. Из жерла этой горы постоянно поднимался дым — как и гора Судьбы во “Властелине Колец”, это был вулкан.

(25) Я разбираю это произведение более подробно в эссе под названием “Толкин и ‘Возвращение Беорнота’”, в книге *Leaves from the Tree: J.R.R. Tolkien's Shorter Fiction*, ed. Alex Lewis (London: Tolkien Society, 1991), pp.5-16. — Т.Ш.

“Духом владейте, доблестью укрепитесь,
сила иссякла — сердцем мужайтесь...”
(пер. с древнеанглийского В.Тихомирова)

(26) “Битва при Мэлдоне” — поэма о поражении англичан в сражении с викингами и гибели эссекского вождя Беорнота (в русской транскрипции ДрАП “Бюрхтнот”). Эта битва произошла около 991г., в царствование короля Этельреда Неразумного. Сохранился только отрывок из этой поэмы. Речь в нем идет о том, как Беорнот из гордости переоценил свои силы и кичливо

подставил свое войско под удар, что привело к его собственной гибели и к поражению. Однако это не мешает автору воспевать его героизм и героизм polegших рядом с ним храбрых воинов.

- (27) *“Heart shall be bolder,
Harder be purpose,
More proud the spirit,
As our power lessens...”*

“Воля, будь строже, знамя, рей выше,
Сердце, мужайся — пусть силы сякнут...
Дух не сробеет, душа не дрогнет —
Пусть рок прянет и тьма обступит.”

- (28) можно привести повесть Джозефа Конрада “Теневой контур” (1917г.)

(29) Эти два понятия с особой остротой отражены в сцене смерти Арагорна. Не вполне ясно, одобряет это различие Арвен или нет. — Т.Ш.
“— Устоим же в последнем испытании”, — говорит Арвен Арагорн, собираясь умереть. — “ибо в прежние времена мы устояли, отвергнув Тьму и соблазны Кольца. Наш уход полон скорби, но в нем нет отчаяния. Ибо мы не навечно привязаны к этому миру, и за его пределами есть нечто большее, чем память” (Приложение А-1 к “Властелину Колец”, т.Ш, с.480-1).

(30) Маттеа Мария Бойярдо (1440-1494) — итальянский поэт, гуманист, переводчик классики. Его перу принадлежит эпос “Влюбленный Орланд”. В нем повествуется о любовных приключениях рыцаря Роланда при дворе императора Карла Великого. Поэма Бойярдо положила начало рыцарскому эпосу эпохи Возрождения.

(31) Лодовико Ариосто (1474-1533) — итальянский поэт, автор пьес и стихов на итальянском языке и по-латыни. Его главное произведение — стихотворный эпос — “Разъяренный Орланд” (продолжение “Влюбленного Орланда” Бойярдо) — классика эпохи Возрождения.

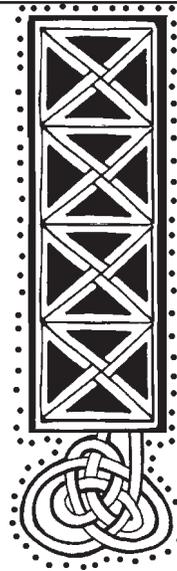
(32) Richard C. West, в статье “The Interlace Structure of “*The Lord of the Rings*”, *A Tolkien Compass*, ed. Jared Lobdell (La Salle, Illinois: Open Court, 1975), pp.77-94. Ричард Вест тоже задается вопросом — почему Толкин воспользовался для этого случая старофранцузской моделью, но дает более абстрактный ответ. — Т.Ш.

(33) *The Works of Sir Thomas Malory*, ed. E. Vinaver (3 vols., Oxford: Clarendon Press, 2nd ed., 1967), vol. I, pp. lxiv-lxv. Этот отрывок относится конкретно к одному из романов “Вульгаты”, но его с одинаковым успехом можно применить и к другим подобным произведениям. — Т.Ш.

- (34) В оригинале “Where is a will, there is a way” — распространенная английская поговорка.

(35) Так, рифмованный совет, который Галадриэль передает Леголасу в т. II, на с. 143 — “Рожденный в Зеленом Лесу Леголас! Ты жил беспечально, но бойся хоть раз/ Крик чайки услышать над пеной морской —/ Навеки забудешь дорогу домой” — ритмом и синтаксисом отражает один из обрывков древнеанглийской поэзии, собранных Р.М. Вильсоном им в книге “*The Lost Literature of medieval England*” (“Утраченная литература средневековой Англии”), р. 99:

In clento cou bache/ kenelm kynebearn

lith under <haze> thorne/ haeuedes bereaved.

(“В Кленге, у ручья, королевич Кенелм лежит под кустом, обезглавленный”.)

Я думаю, Толкин воспользовался этим стихотворением только потому, что образец происходит из глубин Марки, действительно из Кленга, что в пяти милях от дома в Реднале, где он жил ребенком. Книга Вильсона вышла в 1952г., но отрывок о Кенелме был отдельно опубликован в статье, напечатанной в 1941г. — Т.Ш.

(36) В главе “Беспорядки в Заселье” (т.3 “Властелина Колец”) повествуется о том, как хоббиты, вернувшись домой из далеких странствий, обнаружили, что заезжие бандиты установили у них что-то вроде социализма — полицейского общества “справедливого распределения”.

(37) Если бы Война за Кольцо была аллегорией Второй Мировой войны, то “Кольцо было бы непременно использовано против Саурана; он был бы не уничтожен, а поработан, а Бараддур был бы не разрушен, а оккупирован. Саруман, потерпев неудачу в своих попытках завладеть Кольцом, воспользовался бы царящей вокруг путаницей и предательством, чтобы пробраться в Мордор и отыскать там недостающее звено для его собственных исследований в области Колец, и в течение короткого времени ему удалось бы сделать собственное Великое Кольцо, с помощью которого он мог бы бросить вызов самовластному правителю Средьземелья”. Из этого отрывка видно, что Кольцо символизировало бы атомную бомбу, Саурон — силы фашистских государств, Саруман — СССР, “предательства” и “Мордор” — роль англосаксонских предателей и немецких ученых в создании русской атомной бомбы. Это настоящая аллегория, верная до мелочей; но с “Властелином Колец” она ничего общего не имеет. — Т.Ш.

(38) Гондорские Обходчики — во “Властелине Колец” вооруженные отряды воинов Гондора, совершавшие рейды на занятые врагом территории.

(39) “Riming Poem” — древнеанглийское стихотворение из “Эксетерской книги”.

(40) Градгринд — персонаж из романа Ч.Диккенса “Тяжелые времена”. Символизирует дух утилитаризма, материализма, озабоченности одной только выгодой.

(41) Джереми Бентам (1748-1832) — британский юрист, философ, один из главных идеологов теории утилитаризма. Согласно этой теории, то является благом, что ведет к повышению благосостояния людей. Бентам выступал за отмену рабства, улучшение пенитенциарной системы и т.д. Утилитаризм лег в основу развития капитализма в Англии в XIX веке, но утилитаризм “викторианских капиталистов” утратил первоначальный гуманный характер и свелся во многих случаях к формуле “хорошо то, что улучшает мое благосостояние”.

(42) См. “Властелин Колец”, с. 128 (здесь: “идолопоклонники”). Обычно слово “язычники” используется, естественно, только христианами и поэтому в Средьземелье ему места нет. В приложении(С) к своей лекции для Британской академии Толкин, комментируя одно место “Беовульфе”, где автор использует это слово по отношению к людям, утверждает, что это, по всей видимости, ошибка или позднейшая вставка. Ближе к 1950-м годам он, возможно, изменил свое мнение и признал, что христианский и антигероический элемент в “Беовульфе”, “Битве при Мэлдоне” и в его собственной прозе выражен гораздо сильнее.

(43) Обозреватель “Литературного приложения к `Таймс`” был в этом убежден — см. с.132, выше. Но ср. со словами Арагорна в т.Ш “Властелина Колец” на с. 70 (“...подвиг остается подвигом, даже если его потом некому воспеть”). Правда еще не обеспечивает силы, и наоборот. “Теория мужества” и Беортовльд, без сомнения, говорят, что “правые слабы, а сильные неправы”, хотя Толкин и в это не верил. — Т.Ш.

(44) Беспристрастный и неангажированный взгляд на эти понятия можно найти у Герберта Баттерфилда в его книге “*The Whig Interpretation of History* (London; George Bell, 1931) и в книге Ч.Б.Кокса *The Free Spirit* (London; Oxford University press, 1963). В первой из этих книг лорду Эктону и его максиме уделяется достаточно пристальное внимание. — Т.Ш.

(45) Эти слова содержатся в ответе Дэвиду Мэссону, на его письмо в “Литературное приложение к `Таймс`” (9 декабря 1955 г.). Дэвид Мэссон указывал на некоторые фактические и тематические неточности в предыдущем обзоре. Однако обозреватель категорически отверг все поправки. “*Hoity-toity*”, — сказал по этому поводу Толкин. — Т.Ш.

(46) Арагорн дал Саурону увидеть себя в *палантире*, чем недвусмысленно заявил о возвращении истинного Короля (“Властелин Колец”, т.2, гл.11, а также т.3, гл.2).

(47) В ВС (ПТБ, сс. 436-437) Толкин пишет:

“В Евангелиях содержится волшебная сказка или, скорее, всеобъемлющий рассказ, вмещающий в себя суть всех волшебных сказок. В них (Евангелиях) есть множество чудес, отмеченных высоким Искусством, прекрасных и трогательных, “мифических” в своей совершенной, самоценной значимости. И среди них — величайшая и наиболее полная эвкатастрофа (счастливый конец — М.К.)... Но этот рассказ вошел в историю и в первичный мир. Вместо стремления творить вторичные миры перед нами — исполнившееся Сотворение мира первичного. Рождество Христово — эвкатастрофа истории Воплощения. Рассказ начинается и кончается Радостью”.

(48) “*The Tempest*”, ed. Frank Kermode (Arden edition of the Works of Shakespeare, London: Methuen, 5th ed., 1954), p. liv. — Т.Ш.

(49) В пьесе Шекспира “Буря” герцог Миланский Просперо, свергнутый собственным братом, живет с дочерью Мирандой на острове, населенном, кроме ужасного и дикого Калибана, только духами. Просперо — волшебник, духи ему повинуются и чтут его волшебнический посох (жезл). Благодаря волшебству Просперо с легкостью побеждает всех своих врагов, а в конце пьесы, покидая остров, навсегда расстается с жезлом (и магической силой).

Примечания Марии Каменкович:

- 1) “Духом владейте, доблестью укрепитесь, сила иссякла — сердцем мужайтесь...” (27)
- 2) В английском просторечии это латинское слово превратилось в “*dirge*” — “траурная песнь”. — М.К.
- 3) По-английски “*sharkey*” — “акула”. — М.К.

Helge K. Fauskanger,
Ardalambion
Перевод - Orauger

Примечание: символом * обозначены реконструированные слова.

Внутренняя история

Из второй главы “Сильмариллиона” мы узнаем, что, как только Ауле создал Семерых Отцов Гномов, он “стал учить их языку, который придумал для них”. Гномы называли свой язык Кхуздул (Khuzdul), что, очевидно, означает просто

“Гномский”. Себя Гномы называли Khazâd (единственное число может выглядеть как *Khuzd). Мы читаем, что, “согласно их легендам, их создатель, Вала Ауле, создал для них язык и научил ему Семерых Отцов прежде, чем они вновь уснули, чтобы дожидаться, пока придет время для их Пробуждения”. После их Пробуждения этот язык (как и все языки и все прочее в Арде) со временем менялся, различаясь в отдаленных друг от друга дворцах. Но изменения происходили так медленно, и различия были так малы, что даже в Третью эпоху все Гномы могли легко общаться на своем языке. Как они говорили, изменения в Кхуздуле, по сравнению с изменениями в языках Эльфов и, особенно, Людей, были “подобны выветриванию твердой скалы в сравнении с таянием снега” (PM:323). Пенголод также комментирует “традицию, которую они имели... что Ауле придумал для них язык в самом начале, и с тех пор он мало изменился” (WJ:402). В противоположность этому, язык жестов, изобретенный Гномами, так называемый Иглишмек (iglishmèk), был более изменчив.

Кхуздул редко изучался представителями других рас. В поздних легендах говорится, что в Валиноре Ауле познакомил Феанаро с языком, созданным им для Гномов, но Толкин отмечает, что это не вполне достоверно. Возможно, это просто история во славу Феанаро (VT39:10). В Средиземье Эльфы не особенно интересовались Кхуздулом и были о нем невысокого мнения: “Они не могли понять ни слова из языка Гномов, который был труден и неприятен для их слуха; и немногие из Элар достигли мастерства в нем” (Silm10). Даже сам Толкин констатирует тот факт, что “язык Гномов был сложен и неблагозвучен. Даже ранние эльфийские филологи избегали его” (Letters:31).

Но, даже когда кто-либо действительно хотел изучать Кхуздул, Гномы весьма неохотно учили его. Их язык был “секретом, который они не открывали добровольно даже своим друзьям” (LotR, прил. F). Одна из теорий объясняет это тем, что Гномы считали Кхуздул принадлежащим исключительно их расе, и никто чужой не имел права понимать его. Когда они хотели общаться с представителями других рас, обычно с целью торговли, они учили чужой язык, даже, если другая сторона хотела узнать Кхуздул.

Только два или три раза за все долгие эпохи Средиземья Гномы добровольно открывали свой язык представителям чужих рас. В Первую эпоху, когда Люди Дома Хадора пришли в Белерианд и встретились с Долгобородами, между двумя народами возникла особая дружба, так как Люди, будучи искусными наездниками, могли предложить Гномам защиту от Орков. Гномы действительно “не хотели скрывать свой язык от Людей, с которыми их связывала особая дружба, но Люди нашли Кхуздул трудным и медленно усваивали что-то большее, чем отдельные слова, многие из которых, изменившись, вошли в их собственный язык” (PM:303). Кажется, что Кхуздул оказал влияние даже на базовую структуру Адуунаика, языка, произошедшего от речи ранних Эдайн.

Интерес Эльфов к Кхуздулу в Первую эпоху был низок, за одним исключением: “Куруфин очень интересовался языком Гномов, будучи единственным из Нолдор, добившимся их дружбы”

(PM:358). По крайней мере, одно слово перешло из Кхуздула в Синдарин: kheled (стекло, зеркало) появилось в языке Сумеречных эльфов как heledh (см. Silm, прил., статья khelek-). Кхуздульское слово Khazād (Гномы) изменилось в Квенья в Casar (Гном) и в Синдарине в Hadhod (раса Гномов называлась Hadhodrim, WJ:388). Обратное, Гномы, кажется, заимствовали, по меньшей мере, одно слово из Синдарина: kibil (серебро) должно быть связано с celeb из языка Сумеречных эльфов.

Много позже, во Вторую эпоху, Гномы неохотно позволили нескольким Эльфам немного узнать Кхуздул только в интересах науки: *“Они понимали и уважали бескорыстную тягу к знаниям, и некоторым из поздних мудрецов Нолдор было позволено изучить и речь Гномов, и их язык жестов”* (WJ:395). Эти поздние мудрецы, очевидно, имели гораздо менее надменное отношение к Кхуздулу, чем их коллеги в предыдущую эпоху, которые, за исключением Куруфина, избегали языка Гномов.

В одном, однако, Гномы всегда были *“непреклонно скрытны... По причинам, которых полностью не понимали ни Эльфы, ни Люди, они никогда не открывали никаких личных имен представителям других рас, даже когда они овладели искусством письма и могли записывать имена или высекать их в камне. Они брали себе человеческие имена, под которыми их могли знать чужие”* (PM:304). Приложение F к “Властелину колец” подтверждает это: *“Свои собственные тайные, “внутренние” имена, истинные имена Гномы никогда не открывали никому из чужих рас. Даже на своих могилах они не писали их”*. Следовательно, имена Балин и Фундин, которые известны из Кхуздульской надписи на могиле Балина, не являются Кхуздульскими. Это человеческие имена, просто замещающие имена Балина и его отца Фундина и используемые в присутствии не-Гномов.

В двадцатой главе “Сильмариллиона” мы встречаем одно гномское имя - Azaghâl - имя властителя Белегоста. Возможно, это его титул или прозвище, а не истинное “внутреннее имя”. Предполагается, что оно означает “воин” и связано с Нуменорским словом azgara - вести войну (SD:439). Существует также имя Gamil Zirak - имя кузнеца из Ногрода (UT:76). Возможно, это тоже прозвище, или его имя могло быть выдано не-Гномам случайно, к его великому и постоянному сожалению.

С другой стороны, Карлики, несомненно, не пытались скрывать свои Кхуздульские имена. В двадцать первой главе “Сильмариллиона” Карлик Мим охотно называет Турину не только свое имя, но и имена своих сыновей Кхим и Ибун. Возможно, такая шокирующая неосторожность была одной из причин, по которым обычные Гномы ненавидели Карликов.

Однако, Гномы не считали нужным скрывать названия мест. Гимли по собственной инициативе рассказывает Братству, как Гномы называют горы над Морией и саму Морию: *“Я знаю их и их имена, под ними лежит Кхазад-дум (Khazad-dûm), Дворцы Гномов... Вон там стоит Баразинбар (Barazinbar), Красный Рог... а позади него - Серебряный Пик и Облачная Вершина... мы зовем их Зиракзигиль (Zirakzigil) и Бундушатхур (Bundushathûr)”* (LotR I/II-5).

Гномы не всегда оскорблялись, если чужие узнавали Кхуздульские названия мест. Когда Гимли попал в Лориен, все еще сердитый из-за того, что Эльфы заставили его завязать глаза, Галадриэль сказала ему: *“Темны воды Кхелед-зарам (Kheled-zâram), и холодны истоки Кибил-налы (Kibil-nâla), и прекрасны были колонные залы Кхазад-дум (Khazad-dûm) в древнейшие дни до падения могучих подземных королей... Гном, услышав имена, произнесенные на его древнем языке, поднял голову и встретился с ней взглядом; и показалось ему, что он вдруг заглянул в сердце врага и увидел там любовь и понимание. Изумление отразилось на его лице, и он улыбнулся в ответ”* (LotR I/II-7). Гимли воспринял использование Галадриэлью древних Кхуздульских названий как дружеский жест.

Внешняя история

Толкин писал, что Кхуздул *“был создан в набросках, с некоторыми деталями структуры и очень маленьким словарем”* (PM:300). Это, несомненно, произошло в тридцатые годы. Кхуздульские слова Khazaddûm и Gabilgathol появляются в ранних версиях “Сильмариллиона” (см. LR:274). Там также встречается слово Khuzûd как самоназвание Гномов, позднее измененное

в Khazâd. Название Khazaddûm Толкин первоначально дал Ногроду, а не Мории. Кристофер Толкин комментирует это: “*Khazaddûm - это первое появление знаменитого имени. Интересно увидеть, что оно существовало - но как гномское название Ногрода - уже и в это время. Позже гномским названием Ногрода стало слово Tuntzahar... Gabilgathol, впервые появляющийся здесь, остался гномским названием Белегоста*” (LR:278).

Структура Кхуздула

О Кхуздуле мы знаем, что “*структурно и грамматически он сильно отличается от всех других языков Запада того времени*” (PM:316-317). Речь Гномов всегда считалась “трудным языком”. В наше время многие европейцы думают так о китайском.

Фонология Кхуздула была в некоторых отношениях необычна по сравнению с другими языками того времени. В нем было, по крайней мере, две взрывных аспираты - kh и th, то есть, “к” и “т” с придыханием (не путайте с немецким ch и английским th). В Кхуздуле также есть неаспирированные согласные, подобные русским “к” и “т”, но, в отличие и от русского, и от английского языков, k и t - это самостоятельные фонемы, которые нужно отличать от kh и th. Поскольку мы знаем очень мало Кхуздульских слов, вовсе не удивительно, что мы не имеем минимальных пар, но k - kh и t - th выглядят противопоставленными изначально. Также в Кхуздуле встречаются звонкий взрывной b, глухие спиранты f и s, звонкие спиранты z и gh, боковой l, вибрант г (некоторые гномы использовали язычковый г, другие - вибрирующий г), носовые n и m и один полугласный y.

Если некоторые согласные были до некоторой степени необычными, то система гласных была достаточно ординарной. Краткие гласные формируют классическую систему из пяти звуков: a, i, e, o, u. Достоверно существование четырех долгих гласных: â, ê, î, û. Отсутствие ô может быть обусловлено тем, что мы знаем мало Кхуздульских слов. Долгие гласные могли сокращаться в безударном положении (?), сравните Khazâd и Khazad-dûm. (На самом деле, мы ничего не знаем об ударении в Кхуздуле.)

Базовая структура Кхуздула похожа на структуру семитских языков. Основы, от которых образуются слова, сами не являются произносимыми словами, а состоят только из согласных. Существительные, глаголы, прилагательные и т.д. образуются не только при помощи приставок и суффиксов (если такие способы вообще использовались), но также путем вставки определенных гласных между согласными основы, а иногда - путем удвоения одной из согласных. Часто слова изменяются по грамматическим формам путем изменения внутренней гласной вместо добавления суффиксов: ед.ч. Rukhs - Орк, мн.ч. Rakhâs - Орки. Корневые согласные, называемые также радикалами, не изменяются, как *R-Kh-S в данном случае. В Кхуздуле, как и в семитских языках, корень обычно состоит из трех согласных. Несколько таких корней упоминаются в TI:174 и RS:466: B-R-Z - красный, B-N-D - вершина, K-B-L - серебро, N-R-G - черный. Примером корня с двумя согласными является Z-N - “темный, смутный, туманный” (RS:466). Естественно, что когда эти корни выступают в качестве реальных слов, к ним добавляются гласные: baraz - красный или bund - “голова, глава, вершина” из B-R-Z, B-N-D. Радикалы Kh-Z-D содержат общую идею и могут наблюдаться в таких словах, как Khazad - Гномы и Khuzdul - Гномский (орочий, по-видимому, будет *Rukhsul). Те же радикалы Kh-Z-D, очевидно, содержатся в древнем Кхуздульском названии Нарготронда, Nulukkhizdîn, но точное значение этого слова неизвестно (заметьте, что в двадцать первой главе “Сильмариллиона” допущена ошибка в написании - Nulukkidîn: см. WJ:180). Наиболее основное значение Kh-Z-D может быть связано с числом “семь”: сравните с нуменорским hazid. Гномы произошли от Семи Отцов и разделились на Семь Родов - и, как мы знаем, даже в очень поздней и очень детской человеческой мифологии гномы по-прежнему ассоциируются с этим числом.

Анализ источников

Как уже упоминалось, Кхуздульских источников очень мало. Мы знаем несколько названий, надпись на могиле Балина и боевой клич “Baruk Khazâd! Khazad ai-mênu!” - “Топоры Гномов! Гномы на вас!”

“Baruk Khazād!”, как уже сказано, означает “Топоры Гномов!” Baruk обычно считается примером “составной формы”, подобной существующей в иврите - формы, в которой слово используется перед другим существительным, стоящим в родительном падеже и являющимся определяющим дополнением. Конечно, мы не можем быть уверены в том, является ли слово baruk простым множественным числом или специальной составной формой. Может оказаться существенным тот факт, что в остальных достоверных словах в форме множественного числа содержится долгая гласная: Khazād - Гномы, Rakhās - Орки, tarāg - бороды, shathūr - облака, ūl - “ручьи, потоки”, dūm - “пещеры, залы, дворцы”. Возможно, в простом множественном числе топоры - barūk? Слово shathūr (облака) может представлять шаблон формы множественного числа -а-й-. В иврите гласные в словах в составной форме часто сокращаются. Или, поскольку и - это, несомненно, Кхуздульский элемент, означающий отношение родительного падежа (аналог английского of), он может быть включен в baruk между вторым и третьим радикалами? Слова с тремя простыми радикалами (1-2-3), похоже, имеют формы единственного числа 1u23 (B-N-D - bund - вершина, R-Kh-S - Rukhs - Орк) и множественного числа 1a2ā3 (Rakhās - Орки, сравни Khazād - Гномы и tarāg - бороды из Kh-Z-D и T-R-G). Поскольку baruk, похоже, имеет подобную структуру радикалов из трех согласных (*B-R-K), мы можем добавить в парадигму составную форму множественного числа 1a2u3 и склонять B-R-K следующим образом: ед.ч. burk - топор, простое мн.ч. barāk - топоры, составная форма мн.ч. baruk - топоры [кого?] (англ. axes of) (аналогично tarug Khazād - бороды Гномов из достоверной формы tarāg - бороды). Составная форма ед.ч. может выглядеть как 1u23u (*burku Khazād - топор Гномов), если Bundushathūr - просто *Bundu Shathūr - Вершина Облаков, и пишется вместе, когда употребляется в качестве названия горы (B-N-D - вершина).

Вторая часть боевого клича - “Khazād ai-mēnu!” - “Гномы на вас!” - единственное достоверно известное нам предложение. Ai - краткая форма от аya - “на”, mēnu - винительный падеж ед.ч. слова “вы”. Это, несомненно, именное предложение, не содержащее Кхуздульского эквивалента глагола “быть” (англ. be/is/are). Конструкции такого рода характерны для русского и многих семитских языков. Этот факт может быть аргументом в поддержку теории о существовании в Кхуздуле особой составной формы существительных, которая нужна, чтобы отличать выражение “X Y”, означающее “X of Y”, от “X Y”, означающего “X is Y”. (Ср. “Война Гнева” и “Война - это гнев”.)

Мы знаем также надпись, сделанную на могиле Балина: “Balin Fundinul uzbad Khazaddūmu” - “Балин, сын Фундина, властитель Мории”. Имена Балин и Фундин - человеческие, поэтому их этимологии не относятся к делу. Нам остаются окончание -ul, использованное здесь для образования отчества, слово uzbad - “властитель, властелин, повелитель” - и хорошо известное название Khazad-dūm - “Дворцы Гномов” (в рунической письменности нет знака дефиса). Окончание -и, очевидно, является признаком родительного падежа. Но почему это окончание отсутствует в Baruk Khazād? (Не имеет значения, является ли baruk простой или составной формой, включающей аналог английского of, ведь это изменение затрагивает только первое слово в словосочетании, а не второе, как в uzbad Khazaddūmu). Очевидно, здесь мы имеем дело с формой косвенного родительного падежа, указывающей на то, что властитель управлял Морией, а не просто “владел” ею (возможна форма *uzbud Khazaddūm по аналогии с Baruk Khazād). Эта теория находит сильную поддержку в Адунаике, языке Нуменора, который произошел от языка древних Людей под влиянием Кхуздула (Sd:414). В этом языке имеется так называемая косвенная форма, включающая и, которая используется в составных словах, например, gimlu-niūr - зажигающий звезду (gimlu - косвенная форма от gimli - звезда, SD:428 ср. 427). Хотя эта косвенная форма в Адунаике используется только в составных словах, ее происхождение может быть связано с Кхуздульским косвенным падежом.

Нам достоверно известны формы и единственного, и множественного чисел только для одного слова: ед.ч. Rukhs - Орк, мн.ч. Rakhās - Орки. Как мы предположили выше, Khazād - Гномы и tarāg - бороды могут быть образованы по тому же шаблону, поэтому существительные в ед.ч. могут выглядеть как *Khuzd - Гном и *turg - борода. Слово shathūr - облака, очевидно, имеет другой шаблон образования множественного числа, и мы не можем реконструировать форму

единственного числа. Возможно, эта форма будет иметь те же радикалы Sh-Th-R, но другие гласные. Мы знаем также существительные мн.ч. ùl - “ручи, потоки” и dûm - “пещеры, залы, дворцы” (последнее может также быть собирательным). Является ли существенным то, что оба эти слова содержат тот же гласный û, что и shathûr.

Достоверно известны только три глагола: gunud - “копать, рыть, прокладывать туннель”, felek - “обтесывать скалы”, и связанное слово felak - “использовать инструмент, подобный зубилу с широким лезвием”. Слово felak может также употребляться как существительное, обозначающее такой инструмент. Этот пример показывает, что Кхуздульские глаголы не могут быть выделены среди других частей речи только по своей форме.

Мы знаем несколько прилагательных. Это слово Khuzdul само по себе, очевидно, означающее “Гномский”, которое образовано от *Khuzd - Гном - присоединением окончания -ul, которое также используется для образования отчества: Fundinul - сын Фундина. Мы также имеем sigin - длинный в Sigin-tarâg - Долгобороды. Если прилагательные в Кхуздуле согласуются в числе, sigin может стоять во множественном числе. (С другой стороны, основная форма прилагательного может применяться в составных словах). Zirak (мн.ч. *zirik) может быть прилагательным “серебряный” согласно TI:174, но на следующей странице предполагается, что оно означает “пик”. Возможно, что прилагательные следовали за существительным, которое определяли (но не в составных словах).

В составных словах порядок элементов соответствует английскому: Khazad-dûm - Гномьи Дворцы, Kibil-nâla - Серебряная Жила, Kheled-zâram - Зеркальное Озеро, Gabilgathol - Великая Крепость, Sigin-tarâg - Долгобороды. Название Zirak-zigil - Серебряный Пик соответствует этому шаблону (TI:174), но позже Толкин, похоже, решил, что zirak означает “пик”, а zigil - “серебряный”. В таком случае, это слово может быть слиянием составной формы, как baruk Khazad: *Zirak zigil - “Пик из серебра” (Фродо, естественно, не знакомый с Кхуздулом, мог принять эту конструкцию за составное слово и написать Zirak-zigil). Если zigil - это прилагательное “серебряный”, это может говорить в пользу предположения о том, что в Кхуздуле прилагательные следовали за определяемыми существительными.

Из местоимений нам достоверно известно только одно: mênu, винительный падеж множественного числа от “вы” (WR:20).

Мы знаем только два предлога: aya - на (WR:20, сокращенная форма ai в ai-mênu - на вас) и u - в, из (англ. in/of) (достоверно только в середине составного слова Bundushathûr - “Вершина облаков/в облаках”, название горы).

Очень немного мы можем сказать о словообразовании. Известен шаблон 1a23ûn. Его значение - человек, вещь или место, характеризуемые значением корня. Примеры: Nargûn - “Мордор, Черная Земля” из радикалов N-R-G - черный, и Tharkûn - “Человек с посохом”, гномское имя Гэндальфа (радикалы Th-R-K - посох?) Если согласные Z-Gh-L действительно являются радикалами слова “воевать”, и Azaghâl означает “Воин”, то мы имеем шаблон 1a2â3. Слово Khuzdul - Гномский - может быть аргументом в пользу существования шаблона 1u23ul для образования прилагательных. Но, как говорилось выше, -ul может быть просто окончанием прилагательного, добавляемым к существительному в ед.ч. (*Khuzd - Гном).

Прилагательные baraz - красный (B-R-Z) и sigin - длинный (*S-G-N) явно представляют шаблоны для образования прилагательных 1a2a3 и 1i2i3.

Слово Mazarbul в выражении “Палата Мазарбула” (Палата Летописей), похоже, представляет более сложный тип словообразования. Если -ul - это просто окончание прилагательного (которое могло бы значить, что родительный падеж в переводе явно лишний), мы имеем слово mazarb - летопись (летописи?). Может ли оно быть разновидностью причастия прошедшего времени, или соответствующим существительным, или глаголом “вести летописи” (возможные радикалы *Z-R-B)? Если это так, мы имеем шаблон ma1a23.

Словарь

Словарь основан на списке Кхуздульских слов, составленном Лайзой Стар (Lisa Star), который

был опубликован в *Tyalië Tyelelliéva*, # 4, стр. 22. Автор исключил имя Балин, которое, хотя и упоминается в надписи на его могиле, является человеческим. С другой стороны, в словарь было включено слово *Fundinul*, хотя в нем Кхуздульским является только окончание *-ul*. Автор также исключил слово *Dushgoi* - Минас Моргул, которое явно принадлежит языку Орков.

agláb - язык, речь (WJ:395). Очевидно, содержит радикалы G-L, как и в *iglishmëk*.

ai-mënu - “на вас” (LotR2/III-7, прил.F), с *ai*, сокращенной формой от *aya*, и *mënu*.

Azaghâl - имя повелителя Гномов Белегоста. [

Azanul - форма, замененная Толкином на *Azanulbizar* (RS:466).]

Azanulbizar - “Долина Туманных Ручьев” (LotR1/II-4). См. также RS:466: *Azanulbizar* - “Долина Туманных Потоков” с элементами Z-N, *ûl*, *Bizar*.

aya - на (WR:20). Сокращенная форма - *ai* в *ai-mënu* - “на вас”.

baraz - красный в *Barazinbar*, TI:174. *Baraz* - сокращенное наименование *Barazinbar*.

Barazinbar - “Красный Рог”, одна из гор над Морией, на Синдарине - Карадрас (LotR1/II-3).

baruk - “топоры [кого?]” (axes of) (WR:20), *Baruk Khazâd!* - “Топоры Гномов!” (прил.F). Возможно, составная форма множественного числа от **burk* - топор.

bizar - долина (RS:466) в *Azanulbizar*.

B-N-D - радикалы *bund* (TI:174).

B-R-Z - радикалы *baraz* (TI:174).

bund - голова, глава, вершина (TI:174) в *Bundushathur*.

Bundushathur - “Облачная Вершина”, одна из гор над Морией, на Синдарине - Фануидол (LotR1/II-3). Элементы *Bund-u-shathur* - “Вершина облаков/в облаках” (TI:174).

Vuzundush - Мортонд, Черный корень (TI:167).

dûm - пещеры, залы, дворцы - либо мн.ч., либо собирательная форма ед.ч. (в *Khazad-dûm*).

felak - обтесывать скалы (радикалы, очевидно, *F-L-K) (PM:352).

felak - 1)сущ. инструмент, подобный зубилу с широким лезвием; 2)гл. использовать этот инструмент (PM:352).

felakgundu, также ассимилир. *felaggundu* - “Пещерный каменотес” (имя, данное Гномами Финроду за его искусство работы с камнем, было изменено в Синдарине в *Felagund*). (PM:352)

Fundinul - “сын Фундина”.

gabil - великий в *Gabilgathol*.

Gabilân - название реки Сирион (WJ:336). Очевидно, включает *gabil* - великий, ср. *Gabilgathol*.

Gabilgathol - “Великая Крепость”, синдаринский Белегост (Silm10, LR:274).

Gamil Zirak - имя кузнеца из Ногрода (UT:76). Возможный перевод - “Старое Серебро” или “Старый Пик”, см. *zirak*.

gathol - крепость в *Gabilgathol*.

gundu - подземный зал, пещера (от корня *gunud*) (PM:352). Возможно, содержится в названии горы *Gundabad*.

gunud - копать, рыть, прокладывать туннель (PM:352, ср. 365).

Ibun - имя одного из сыновей Мима (Silm21, UT:102).

iglishmëk - язык жестов, применявшийся Гномами (WJ:395). Ср. *agláb*.

inbar - рог в *Barazinbar*. Радикалы M-B-R, отметьте очевидную диссимилиацию *mb > nb* (TI:174).

K-B-L - радикалы *kibil* (TI:174).

Khazâd - Гномы, самоназвание (прил.F). Ед.ч., возможно, **Khuzd*.

Khazad-dûm - “Гномьи Дворцы”, Мория (LotR1/II-3).

Khazâd ai-mënu! - “Гномы на вас!”, боевой клич Гномов (прил.F).

kheled - стекло, зеркало в *Kheled-zaram* - Зеркальное Озеро (Silm, прил., статья *Khelek*).

Khîm - имя одного из сыновей Мима (Silm21).

[*Khuzûd* - Гномы, изменено Толкином в *Khazâd* (LR:274,278).]

**Kh-Z-D* - радикалы в словах, относящихся к гномам: *Khazâd* - Гномы (ед.ч. **Khuzd*?), *Khuzdul* - Гномский и, очевидно, также в *Nulukkhizdîn* - Нарготронд (Silm21).

kibil - серебряный (TI:174). Радикалы K-B-L. В TI:174 предполагается, что это слово может быть связано с Квенийским *telpë*, но более вероятно заимствование синдаринского *celeb*.

Kibil-nāla - Серебряная Жила (LotR1/II-3), река Келебрант. Отдельные элементы kibil, nāla обсуждаются в TI:174,175. Любопытно, что в PM:279,286 приводится другой Кхуздульское название этой реки - Zigilnād. PM:275 показывает, что Толкин использовал в одном из черновиков приложения к LotR название Kibil-nāla для Зеркального Озера, но в окончательном варианте заменил его на Kheled-zāram. Кристофер говорит об этом как о “незначительной ошибке” (PM:286).

Mahal - Гномское имя Ауле (Silm2).

Mazarbul - летописи (летописей?) (LotR1/II-5, Letters:186). Если -ul является окончанием прилагательного, родительный падеж в переводе будет излишним.

M-B-R - радикалы inbar - рог. (Отметьте очевидную диссимиляцию mb > nb). (TI:174).

mēnu - вас (вин.п. мн.ч. от “вы”). (WR:20).

Mim - имя Карлика (Silm21).

-nād - элемент, встречающийся в Zigilnād, втором варианте названия реки Келебрант (PM:279,286). В других местах эта река называется по-Кхуздульски Kibil-nāla, поэтому nād может иметь то же значение, что и nāla.

-nāla - согласно TI:175, значение этого слова неизвестно, но если Кхуздульское название Kibil-nāla значит то же, что и синдаринское Келебрант (Серебряная Жила), то nāla можно перевести как “жила, тропа, течение, дно” (TI:174).

Narag-zarām - “Черное Озеро”? Включает радикалы N-R-G - черный (RS:466).

Nargūn - Мордор, включает радикалы N-R-G - черный (RS:466).

N-R-G - радикалы слова “черный”. Встречаются в Nargūn - Мордор, Черная Земля(RS:466). Слово “черный” может выглядеть как *narag, ср. baraz из B-R-Z.

Nulukkhizdīn - Нарготронд (WJ:180). Очевидно, включает радикалы *Kh-Z-D - Гном. В Silm21 написано с ошибкой: Nulukkhizdīn.

Rukhs - Орк, мн.ч. Rakhās (WJ:391).

Sharbhund - “Лысый Холм”? Так Карлики называли Амон Руд (UT:98). Bhund может быть вариантом bund.

shathūr - облако (облака). Shathūr - краткое название Bundushathūr, одной из гор над Морией (LotR1/II-3, TI:174).

sigin - длинный в Sigin-tarāg (PM:321). Если Кхуздульские прилагательные согласуются в числе, это может быть формой мн.ч. (или основная форма может быть предпочтительной в составных словах).

Sigin-tarāg - Долгобороды (PM:321).

tarāg - бороды в Sigin-tarāg (PM:321). Ед.ч., возможно, *turg.

Tharkūn - Гномское имя Гэндальфа, означающее “Человек с посохом” (LotR2/IV-5, UT:353).

Tumunzahar - “Обрывистая Впадина”, Гномское название Ногрода (Silm10).

-u - в/из (англ. in/of) в Bundushathur, Bund-u-shathur - “Вершина облаков/в облаках”(TI:174),

uzbad Khazad-dūmu - Властелин Мории (LotR1/II-4).

ūl - ручьи, потоки в Azanulbizar (RS:466).

-ul - возможно, суффикс прилагательного (Khuzdul - Гномский, Fundinul - [сын] Фундина).

uzbad - повелитель, властелин, властитель (LotR1/II-4).

zāram - озеро (в Narag-zarām и Kheled-zāram, RS:466).

Z-G-L - радикалы zigil (TI:174).

zigil - либо пик (TI:174), либо серебряный (TI:175). Составное слово Zirak-zigil означает “Серебряный Пик”, но не совсем ясно, какой элемент переводится как “серебряный”, а какой - как “пик”. Согласно наиболее позднему объяснению Толкина, zigil - серебро, что согласуется с одним из вариантов названия Келебранта - Zigilnād (PM:279,286).

zīrak - либо пик (TI:174), либо серебряный (имеется в виду цвет, а не металл)(TI:175).

Zirak-zigil - “Серебряный Пик”, одна из гор над Морией, синдаринский Келебдил.

Z-N - радикалы слов темный, смутный, туманный (RS:466). В Azanulbizar.

Z-R-K - радикалы zirak (TI:174).

